

СТИВЕН КИНГ

ТЕНИНАЯ БАШНЯ

Ветер сквозь
замочную скважину

Темная Башня

Стивен Кинг

Ветер сквозь замочную скважину

«АСТ»

2013

Кинг С.

Ветер сквозь замочную скважину / С. Кинг — «АСТ»,
2013 — (Темная Башня)

ISBN 978-5-17-077067-0

История, являющаяся частью цикла, хронологически расположена между четвертым и пятым романами... Эту историю Роланд Дискейн рассказывает своему недавно собранному второму ка-тету – Сюзанне, Эдди, Джейку и Ышу, – и они узнают о том, что произошло вскоре после гибели матери Роланда. ...Молодой стрелок отправляется расследовать убийства крестьян в далекой провинции – убийства, в которых перепуганные люди в один голос обвиняют таинственного оборотня. А сопровождает его один из членов первого ка-тета Роланда – Джейми Декарри, о котором ранее было известно совсем немного...

ISBN 978-5-17-077067-0

© Кинг С., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Предисловие	6
Стыловей	7
1	7
2	9
3	11
4	12
5	14
6	15
7	17
8	18
9	19
10	20
11	21
12	22
13	23
14	25
15	26
16	27
17	28
Шкуроверт. Часть I	30
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Стивен Кинг

Ветер сквозь замочную скважину

© Stephen King, 2012

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Робинцу Фертю и ребятам из «Марвел комикс»

Предисловие

Многие из тех, кто сейчас держит в руках эту книгу, следили за приключениями Роланда и его команды, его ка-тета, на протяжении многих лет, а кто-то и вовсе с самого начала. Все остальные (и я надеюсь, что таких будет немало – и вновь прибывших, и постоянных читателей) наверняка задаются вопросом: *Смогу ли я прочитать эту книгу и хоть что-то понять, если я не читал остальные романы цикла о Темной Башне?* Мой ответ: да, если вы знаете самое главное.

Во-первых, Срединный мир располагается рядом с нашим, и эти два мира во многом пересекаются. Между ними есть двери, и иногда кое-где возникают червоточины – места, где ткань реальности истончается до предела и происходит взаимопроникновение двух миров. Трое из ка-тета Роланда – Эдди, Сюзанна и Джейк – пришли в Срединный мир из Нью-Йорка нашего мира. Их четвертый попутчик, ушастик-путаник по имени Ыш, зверек, похожий на помесь барсука с енотом, – коренной уроженец Срединного мира. Срединный мир очень древний. Он постепенно приходит в упадок. Его населяют чудовища, и в нем действует недобрая магия.

Во-вторых, Роланд Дискейн из Гилеада – стрелок, один из тех, кто пытается поддерживать порядок в мире, который все больше и больше склоняется к хаосу и беззаконию. Если стрелки Гилеада представляются вам неким странным гибридом странствующих рыцарей и шерифов Дикого Запада, вы совсем не далеки от истины. Большинство стрелков (хотя и не все) – прямые потомки древнего Белого рыцаря, Артура Эльдского. (Я говорил, что миры пересекаются.)

В-третьих, над Роландом тяготеет страшное проклятие. Он убил свою мать, ставшую любовницей – в основном против собственной воли – одного человека, которого вы встретите в этой книге. Хотя это была трагическая случайность, Роланд все равно считает себя виноватым, и смерть несчастной Габриэль Дискейн преследует его с ранней юности. Все эти события подробно описаны в цикле о Темной Башне, но для того чтобы читать эту книгу, вам не обязательно знать все детали. А самое главное вы уже знаете.

Для тех читателей, кто уже давно знаком с «Темной Башней», это будет промежуточный том между «Колдуном и кристаллом» и «Волками Калы»... то есть, наверное, его можно назвать «ТБ 4,5».

Сам же я с радостью обнаружил, что моим старым друзьям еще есть что сказать. Это был настоящий подарок судьбы: встретиться с ними снова, по прошествии стольких лет. А ведь все эти годы я думал, что их история рассказана до конца.

Стивен Кинг

14 сентября 2011 г.

Стыловей

1

Когда они выбрались из того Изумрудного дворца – который, как оказалось, все-таки не был домом волшебника из страны Оз, а теперь превратился в гробницу одного малоприятного типа, известного ка-тету Роланда под именем Тик-Так, – мальчик Джейк взял в привычку уходить далеко вперед, с каждым разом все дальше и дальше от Роланда, Сюзанны и Эдди.

– Ты что, совсем за него не волнуешься? – спросила Сюзанна у Роланда. – Он так далеко, один...

– Он не один, он с Ышем, – сказал Эдди. И действительно, ушастик-путаник выбрал Джейка своим лучшим другом и не отходил от него ни на шаг. – Мистер Ыш замечательно ладит с людьми. Если это хорошие, добрые люди. А вот для плохих у него полон рот острых зубов. В чем сумел убедиться наш недобрый друг Гашер, себе на беду.

– У Джейка с собой револьвер его отца, – сказал Роланд. – И он знает, как с ним обращаться. Очень хорошо знает. И он не сойдет с Тропы Луча. – Стрелок указал вверх искалеченной рукой. Низкие хмурые тучи неподвижно стояли в небе, но одна полоса облаков неуклонно плыла на юго-восток. В сторону земли под названием Тандерклеп, если верить тому, что сказано в записке, которую оставил для них человек, подписавшийся инициалами РФ.

В сторону Темной Башни.

– Но почему... – начала было Сюзанна, но тут ее коляска наехала на какую-то кочку. Сюзанна обернулась к Эдди. – Ты смотри, куда едешь, мой сладкий.

– Прощу прощения, мэм. На этом участке шоссе ремонтных работ не предусмотрено. Средств не хватает, бюджет урезали...

На шоссе это явно не было похоже, скорее на *дорогу* – пусть даже теперь от нее мало что осталось: две призрачные колеи и редкие полуразрушенные лачуги по обеим сторонам когда-то проезжего тракта. Сегодня утром им даже попался заброшенный магазинчик с выцветшей, еле читаемой вывеской: «ЧУЖЕЗЕМНЫЕ ТОВАРЫ ОТ ТУКА». Они зашли внутрь, проверить, не найдется ли там чего-нибудь полезного – Джейк с Ышем тогда были с ними, – но нашли только пыль, древнюю паутину и скелет какого-то зверька: то ли большого енота, то ли маленькой собаки, то ли ушастика-путаника. Ыш с любопытством обнюхал останки, помочился на них, потом вышел наружу и уселся на кочку посреди старой дороги, обернув лапки хвостом, закрученным в тугую пружинку. Он смотрел в ту сторону, откуда они пришли, и сосредоточенно принимался.

В последнее время ушастик частенько так делал. Роланд это заметил и, хотя ничего никому не сказал, все же задумался. Может, их кто-то преследует? Вряд ли. И все-таки поза ушастика – уши торчком, нос по ветру, хвост, обернутый вокруг лап – пробуждала какие-то смутные воспоминания или ассоциации, которые он никак не мог уловить.

– Почему Джейк все время уходит от нас? – спросила Сюзанна.

– Тебя это волнует, Сюзанна из Нью-Йорка? – спросил Роланд.

– Да, Роланд из Гилеада, меня это *волнует*.

Она улыбнулась, вполне себе мило, но в глазах заглялись очень знакомые недобрые огоньки. Это была Детта Уокер, та часть прежней личности Сюзанны, которая никогда не исчезнет полностью. И Роланд нисколько о том не жалел. Без этой озлобленной стервы, что до сих пор пряталась глубоко в сердце Сюзанны, словно острый осколок льда, Сюзанна была бы всего лишь красивой темнокожей женщиной, чьи ноги заканчиваются чуть ниже колен. Но

с Деттой Уокер внутри она была человеком, с которым нельзя не считаться. Человеком опасным. Стрелком.

– Ему надо о многом подумать, – тихо проговорил Эдди. – Ему столько всего пришлось пережить. Возвращаться из мертвых – это и взрослому тяжело, а он еще совсем ребенок. И, как очень правильно говорит Роланд... если кто-то попробует его обидеть, этот кто-то очень о том пожалеет. – Эдди прекратил толкать коляску, вытер пот со лба и повернулся к Роланду. – А тут *хоть кто-нибудь* есть вообще, в этой глухой жопе мира? Или все давно разбежались?

– Кто-то остался, я думаю.

Роланд не просто так думал, он это знал. Пока они шли по Тропе Луча, за ними украдкой подглядывали – и не раз. Однажды это была испуганная женщина, прижимавшая к себе двоих детей. Третий ребенок, грудной младенец, висел у нее на груди в слинге. Еще был старик-фермер, наполовину мутант, с единственным судорожно дергавшимся щупальцем, свисавшим из уголка рта. Эдди с Сюзанной не видели этих людей и не чувствовали присутствия других – тех, что наблюдали за ними, прячась в высокой траве или среди деревьев. Сюзанне и Эдди предстоит еще многому научиться.

Но похоже, хотя бы чему-то они научились, потому что Эдди спросил:

– А они, часом, нас не преследуют? Это не их Ыш вынюхивает?

– Я не знаю.

Роланд задумался, стоит ли им говорить, что, как ему кажется, беспокойство ушастика связано с чем-то другим, но решил, что не надо. Долгие годы стрелок был один, без ка-тета, и привык держать свои мысли при себе. От этой привычки надо избавляться, если он хочет, чтобы его тет был крепким. Но не сейчас, не сегодня.

– Пойдемте, – сказал Роланд. – Наверняка Джейк нас уже ждет.

2

Спустя два часа, буквально за пару минут до полудня, они поднялись на вершину холма и остановились, глядя вниз на широкую, неспешную реку, серую, словно сплав олова со свинцом, под затянутым тучами небом. На северо-западном берегу – на их стороне – стояло какое-то здание вроде амбара, выкрашенное в зеленый цвет, такой яркий, что он, казалось, кричал в полный голос среди приглушенных красок дня. Одной стороной дом нависал над водой и держался на сваях, покрашенных в тот же зеленый цвет. К двум этим сваям крепился на толстых канатах большой паром – плот размером сто на сто шагов, разрисованный, как цирк-шапито, красными и желтыми полосами. В центре плота возвышался похожий на мачту деревянный шест, но паруса не было. Рядом с шестом стояло несколько плетеных стульев, повернутых в сторону берега. На одном из них сидел Джейк, на соседнем – какой-то старик в широкополой соломенной шляпе, мешковатых зеленых штанах, высоких ботинках и тонкой белой рубашке без рукавов, облежавшей тело. Джейк и старик ели что-то очень похожее на толстые бутерброды с сочной начинкой. При одном только взгляде на них Роланд сглотнул слюну.

Ыш тоже был на плоту, стоял на самом краю и сосредоточенно разглядывал свое отражение в воде. Или, может быть, отражение стального троса, протянутого над рекой.

– Это Уайе? – спросила Сюзанна у Роланда.

– Да.

– Уай-ай-ай, – улыбнулся Эдди, поднял руку и помахал ею над головой. – Джейк! Эй, Джейк! Ыш!

Джейк помахал в ответ, и хотя до реки и плота оставалась еще четверть мили, зрение у всех путешественников было одинаково острым, и они разглядели, как Джейк улыбнулся, приоткрыв белые зубы.

Сюзанна поднесла ко рту сложенные рупором ладони:

– Ыш! *Bluu!* Ко мне, малыш! Иди к маме!

Ыш пронзительно взвизгнул – лаять по-настоящему он не умел, но этот визг очень напоминал лай, – сорвался с места, пробежал через плот, скрылся в зеленом сарае, выскочил с другой стороны и помчался вверх по склону холма. Уши плотно прижаты к голове, глаза с золотым ободком сверкают.

– Не так быстро, мой сладкий, а то сердце прихватит! – крикнула, смеясь, Сюзанна.

Ыш, похоже, воспринял ее слова как команду прибавить скорость. Уже через две минуты он подбежал к коляске Сюзанны, запрыгнул ей на колени, тут же спрыгнул обратно на землю, радостно оглядел путешественников.

– Олан! Эд! Сюз!

– Хайл, сэр трокен. – Роланд употребил древнее слово для обозначения ушастиков-путаников, которое впервые услышал еще в раннем детстве, когда мама читала ему книжку «Трокен и дракон».

Ыш поднял лапу, помочился на траву, потом повернулся в ту сторону, откуда пришли путешественники, и принялся, глядя за горизонт.

– Почему он все время так делает, Роланд? – спросил Эдди.

– Не знаю. – Однако он *почти* знал. Вроде бы что-то подобное было в одной старой сказке. Не в «Трогене и драконе», но в очень похожей. Роланду почему-то подумалось о зеленых глазах в темноте, зорких и настороженных, и у него по спине пробежал холодок – не страха, нет (разве что самую малость), а какого-то смутного воспоминания. Но ощущение быстро прошло.

Даст Бог – будет вода, подумал Роланд и только потом осознал, что произнес это вслух. Эдди переспросил:

– Что?

– Да так, пустяки. Не бери в голову, – сказал Роланд. – Пойдемте знакомиться с новым приятелем Джейка. Может быть, у него там найдется парочка лишних бутербродов.

Эдди, которому до смерти надоели резиновые «стрелецкие голубцы», тут же воодушевился.

– Да, пойдемте скорее. – Он взглянул на воображаемые часы у себя на руке. – Батюшки-светы, мы чуть было не пропустили обед!

– Заткнись, моя радость, и толкай креслице, – сказала Сюзанна.

Эдди заткнулся и взялся за ручки коляски.

3

Когда они вошли в здание лодочной станции, старик сидел на стуле, а когда вышли к реке, встал им навстречу. Увидел револьверы на поясах у Роланда и Эдди – большие тяжелые револьверы с рукоятками из сандалового дерева, – и его глаза расширились. Он опустился на одно колено. Вокруг было тихо, и Роланд услышал, как в ноге старика что-то хрустнуло.

– Хайл, стрелок, – проговорил старик, сжал в кулак распухшую от артрита руку и поднес ее ко лбу. – Я приветствую тебя всем сердцем.

– Встань, друг, – отозвался Роланд, очень надеясь, что старик – действительно *друг*. Джейк, кажется, в этом не сомневался, а Роланд давно понял, что интуиции мальчика следует доверять. Не говоря уже об инстинктах ушастика. – Прошу тебя, встань.

Старик попытался подняться, и Эдди помог ему встать.

– Благодарствую, сынок, благодарствую. Ты сам тоже стрелок или пока подмастерье?

Эдди взглянул на Роланда, но тот вообще на него не смотрел. Поэтому он пожал плечами и улыбнулся:

– И то и другое, наверное. Я Эдди Дин из Нью-Йорка. Это Сюзанна, моя жена. А это Роланд Дискейн. Из Гилеада.

Глаза старика еще больше расширились.

– Из Гилеада?! Ты сказал, из Гилеада? Я не ослышался?

– Ты не ослышался, – подтвердил Роланд, и его сердце защемило от тоски. Непривычное чувство. Время – лицо на воде, а вода на то и вода, чтобы течь.

– Тогда заходите на плот. Вы здесь желанные гости. С молодым человеком мы уже подружились. Да, подружились. – Ыш подошел к старику, тот нагнулся и погладил ушастика по голове. – И с этим пушистым приятелем тоже. Да, парень? Помнишь, как меня звать?

– Бикс! – сразу же отозвался Ыш, потом опять повернулся к северо-западу и потянул носом воздух, подняв мордочку вверх. Его глаза с золотым ободком неотрывно следили за движущейся полосой облаков, отмечавшей Тропу Луча.

4

– Будете кушать? – спросил их Бикс. – У меня все по-простому, без разносолов, да и где их тут взять? Но я с радостью поделюсь тем, что есть.

– Будем очень благодарны, – сказала Сюзанна. Взглянула на трос, протянутый наискось через реку. – Это паром, да?

– Ага, – подтвердил Джейк. – Бикс говорит, что на том берегу живут люди. Не совсем у реки, но и не так чтобы очень далеко. Он думает, это фермеры. И там у них рисовые поля. Но они редко приходят к реке, эти люди.

Бикс пошел в дом. Эдди дождался, пока старик скроется внутри, потом наклонился к Джейку и спросил, понизив голос:

– С ним все нормально?

– Нормально, – ответил Джейк. – Нам все равно на ту сторону, и он с радостью нас переправит. Он говорит, что уже и забыл, когда в последний раз перевозил пассажиров. С тех пор прошло много лет.

– Это да, – согласился Эдди.

Бикс вернулся с плетеной корзиной, которую Роланд забрал у него – иначе старик наверняка свалился бы в воду. Потом они все расселись на плетеных стульях и принялись за бутеры с какой-то розовой рыбой, щедро сдобренной специями и божественно вкусной.

– Ешьте сколько хотите, – сказал Бикс. – Бычков в реке много, и почти все хорошие. Если вдруг попадаются нехорошие, я их сразу выкидываю обратно. Когда-то нам было велено выбрасывать всех мутантов на берег, чтобы, значит, они не плодились. И по первости я так и делал, но теперь... – Бикс пожал плечами. – Живи и давай жить другим, вот что я говорю. Как человек, сам проживший немало, я *могу* так говорить.

– А сколько вам лет? – спросил Джейк.

– Сто двадцать-то точно минуло, а потом я и счет потерял. Время, знаешь ли, коротко по эту сторону двери.

По эту сторону двери. Где-то в сознании Роланда снова забрезжило смутное воспоминание о какой-то древней истории, но тут же исчезло.

– Вы идете за ними? – Старик указал вверх, на полосу облаков, движущихся по небу.

– Да.

– К Кальям или еще дальше?

– Дальше.

– В великую тьму? – В голосе Бикса звучала тревога, но вместе с тем и восхищение.

– Мы идем своей дорогой, – сказал Роланд. – Сколько ты с нас возьмешь за переправу, сэй паромщик?

Бикс рассмеялся. Хрипло и от души.

– Деньги не стоят вообще ничего, если их не на что тратить, скота у вас нет, и оно ясно как день, что еды у меня всяко больше, чем у вас. И потом, вы всегда можете вытащить револьверы и силой заставить меня переправить вас на тот берег.

– Никогда в жизни, – сказала Сюзанна, искренне потрясенная, что он мог так подумать.

– Я знаю, знаю, – махнул рукой Бикс. – Бандиты, те могут... еще и паром мой сожгут, когда переправятся на ту сторону... но настоящие стрелки – никогда. Вы, миссис, ведь тоже стрелок? Вроде не вооружены, но про женщин никогда не угадаешь.

Сюзанна улыбнулась и промолчала.

Бикс повернулся к Роланду.

– Вы, как я понимаю, пришли из Лада. Я бы послушал про Лад, как там теперь и чего. Это был удивительный город. Он уже рушился, когда я его знал. И там творилось немало странного. Но он все равно был удивительный.

Они быстро переглянулись, все четверо. Это были не просто взгляды: это был – ан-тет, странная телепатия, когда члены ка-тета понимают друг друга без слов. А еще в этих взглядах был *стед*. Это древнее слово Срединного мира иногда означало «стыд». А еще оно означало «печаль».

– Что? – спросил Бикс. – Что я такого сказал? Если я попросил вас о чем-то, о чем просить не подобает, вы уж меня извините.

– Нет-нет, – сказал Роланд. – Просто Лад...

– Лад – пыль на ветру, – закончила за него Сюзанна.

– Ну, – вставил Эдди, – не совсем чтобы пыль...

– Пепел, – сказал Джейк. – Который светится в темноте.

Бикс обдумал услышанное и медленно кивнул.

– Но вы все равно расскажите. Сколько успеете за один час. Ровно столько займет переправа.

5

Бикс рассердился, когда они предложили помочь ему с приготовлениями. Сказал, что это его работа, и он с ней справляется – просто уже не так быстро, как прежде, в те незапамятные времена, когда у реки были фермы и несколько мелких факторий и на том берегу, и на этом.

Впрочем, приготовления были недолгими. Бикс сходил в дом и принес табурет и рым-болт из железного дерева. Взгромоздился на табурет, закрепил рым-болт на вершине шеста и прицепил его к тросу. Потом отнес табурет в дом и вернулся к парому с какой-то большой металлической загогулиной в форме буквы «Z». Старик положил ее в деревянный футляр на дальнем конце плота – с таким торжественным видом, словно исполнял некий священный ритуал.

– Вы только не сбросьте ее за борт. Без нее мне домой не вернуться, – сказал он.

Роланд присел на корточки, чтобы рассмотреть эту штуковину поближе. Взмахом руки позвал Эдди и Джейка. Указал на слова, выдавленные на перекладине буквы «Z».

– Здесь написано то, что я думаю?

– Да, – сказал Эдди. – Северный центр позитроники. Наши старые друзья.

– И давно у тебя эта штука, Бикс? – спросила Сюзанна.

– Да уж годков девяносто, если не больше. Там под землей целая сетка тоннелей. – Бикс махнул рукой примерно в том направлении, где был Изумрудный дворец. – Они тянутся на многие мили, и там полно разных штук, сделанных древними. И все они замечательно сохранились. Там даже музыка есть, до сих пор, значит, играет. Откуда-то сверху. Странная музыка, я такой нигде больше не слышал. Она вроде как проникает в голову и перетрясает тебе все мысли. И долго там находиться нельзя, иначе все тело покроется язвами, и зубы начнут выпадать, и блевать будешь часами. Я однажды туда спускался. И больше – ни-ни. Одного раза хватило. Я вообще думал, что кончусь. Но ничего, выжил.

– А волосы тоже начали выпадать? Как и зубы? – спросил Эдди.

Бикс удивленно взглянул на него и кивнул:

– Выпали, да. Но потом отросли. Эта рукоятка, она *из стаи*.

Эдди задумался, с каких это пор неодушевленные железяки стали сбиваться в стаи. Хотя всякое в жизни бывает... И только потом сообразил, что старик сказал «*из стаи*».

– Ну что, вы готовы? – спросил Бикс. Его глаза сияли, почти как у Ыша. – Можно отчаливать?

Эдди взял под воображаемый козырек:

– Так точно, капитан. Мы отплываем на Остров сокровищ. Йо-хо-хо и бутылка рому!

– Ты мне поможешь управиться с этим канатом, Роланд из Гилеада?

И Роланд охотно помог.

6

Паром, влекомый течением, медленно двигался вдоль натянутого над рекой троса. Вокруг плота плескались рыбы, то и дело выпрыгивая из воды. Члены ка-тета Роланда по очереди рассказывали старику о Ладе и о своих приключениях в этом городе. Поначалу Ыш с интересом наблюдал за рыбами, стоя на самом краю плота. А потом снова уселся и принялся сосредоточенно нюхать воздух, глядя в ту сторону, откуда они пришли.

Узнав, как именно они покинули обреченный город, Бикс пробурчал:

– Блейн Моно, да. Помню-помню. Психованный поезд. Был еще один, только забыл, как он назывался...

– Патриция, – подсказала Сюзанна.

– Да, точно. Патриция. Красавица со стеклянными стенками. Так вы говорите, города больше нет?

– Больше нет, – подтвердил Джейк.

Бикс опустил голову.

– Как-то это печально.

– Да, – согласилась Сюзанна, прикоснувшись к руке старика. – Срединный мир – место печальное, хотя и очень красивое.

Они были уже на середине реки. Подул ветерок, на удивление теплый. Все давно уже сняли теплую верхнюю одежду и устроились на плетеных пассажирских сиденьях. Большая рыбина – возможно, как раз того вида, которым их угощал Бикс – выпрыгнула на плот, буквально перед носом у Ыша. Обычно ушастик не упускал добычу, но сейчас он даже и не взглянул на рыбу. Роланд сбросил ее обратно в воду, подтолкнув ногой.

– Ваш трокен чувствует, что оно скоро нагрянет, – заметил Бикс. – Вы там поберегитесь в дороге.

На мгновение Роланд лишился дара речи. Из глубин памяти всплыла картинка, раскрашенная вручную гравюра, одна из дюжины иллюстраций в старой и с детства любимой книжке. Шесть ушастиков-путаников сидят на стволе упавшего дерева, подняв мордочки кверху, на лесной поляне под тонким серпом луны. Эта книжка, «Волшебные сказки Эльда», была у него самой-самой любимой. Он тогда был совсем маленьким, и мама читала ему перед сном, пока за окном бушевала осенняя буря, пела свою одинокую печальную песню, призывая зиму. Картинка с ушастиками была иллюстрацией к сказке «Ветер сквозь замочную скважину», сказке страшной и мрачной, и в то же время – чудесной и удивительной.

– Ох ты, боги мои на пригорке! – Роланд хлопнул себя ладонью по лбу. – Как же я сразу не понял?! Да хотя бы уже по тому, что в последние дни как-то уж слишком резко потеплело.

– То есть ты сразу не понял?! И это – стрелок из Внутреннего мира?! – Бикс сокрушенно поцокал языком.

– Что такое, Роланд? – встревожилась Сюзанна.

Но Роланд как будто ее и не слышал. Он ошарашенно смотрел на Бикса. Потом перевел взгляд на Ыша, потом – снова на Бикса.

– Приближается стыловей.

Бикс кивнул:

– Да. Трокены так говорят, а уж насчет стыловей трокены не ошибаются никогда. Годность у них такая, вместе с умением говорить.

– Годность? – озадаченно переспросил Эдди.

– Он имеет в виду «способность», – пояснил Роланд. – Бикс, ты, случайно, не знаешь, есть на том берегу место, где можно укрыться и переждать?

– Случайно, знаю. – Старик указал на пологие холмы, подступавшие к самому берегу Уайе, где тоже был деревянный причал и здание лодочной станции, только некрашеное и размером поменьше. – Там, за причалом, дорога. То есть раньше была дорога, а теперь так, колея. Она идет вдоль Тропы Луча.

– Конечно, – заметил Джейк. – Все служит Лучу.

– Правильно говоришь, молодой человек, очень правильно. Вам как сподручнее с расстояниями, в милях или в колесах?

– И так и этак, – сказал Эдди. – Хотя большинству из нас мили привычнее.

– Ну, раз привычнее... Значит, идите по старой дороге Калы миль пять... может, шесть... и там будет заброшенный городок. Большинство домов там деревянные, они вас не спасут, но молитвенный дом – он из камня. Как раз подходящее место. Я там был. Внутри есть хороший большой камин. Надо только проверить трубу, чтобы тяга была. Вам нужно переждать сутки. А то и больше. А на дрова можно какой-нибудь дом разобрать. Если там что осталось.

– Что такое стыловей? – спросила Сюзанна. – Буря?

– Да, – сказал Роланд. – Я уже много лет ни с чем подобным не сталкивался. Хорошо, что у нас есть Ыш. Но я все равно бы не понял, если бы не Бикс. – Он сжал плечо старика. – Благодарствую, сэй. Мы все тебе благодарны.

7

Как и многое в Срединном мире, здание лодочной станции на юго-восточном берегу реки доживало последние дни; стропила были буквально увешаны гроздьями летучих мышей, по стенам ползали пауки. Роланд и все остальные даже не стали туда заходить, остановились снаружи. Бикс привязал плот и присоединился к ним. Они все по очереди обняли старика, бережно и осторожно, чтобы ненароком не сделать больно.

Бикс вытер слезы, нагнулся и погладил Ыша по голове:

– Ты уж за ними присматривай, сэр трокен.

– Ыш! – Отозвался ушастик и добавил: – Бикс!

Старик выпрямился, и в спине у него что-то явственно хрустнуло. Он поморщился, взявшись обеими руками за поясницу.

– Вы доберетесь обратно? – спросил Эдди.

– А чего ж не добраться? – ответил Бикс. – Была б весна, вот тогда, может, и не добрался бы, да. Уайе такая... не тихая, когда тают снега и заряжают дожди. А сейчас-то чего? Тишь да гладь. Буря еще далеко. Продвинуль чуток против течения, вставлю шкворень, чтобы меня не снесло назад, малость передохну, потом продвинуль еще чуть-чуть. Вот так, потихонечку, и поеду. Может, потрачу четыре часа вместо одного, но домой доберусь. Всегда добирался, чего там... Жалко только, еды у меня маловато. А то дал бы вам с собой.

– Не волнуйся за нас. Мы справимся, – сказал Роланд.

– Вот и славно. Вот и хорошо. – Похоже, старик не хотел расставаться. Он внимательно оглядел лица своих новых друзей, а потом улыбнулся, обнажив беззубые десны. – Мы хорошо встретились на пути, правда?

– Поистине так, – согласился Роланд.

– Если будете возвращаться этой же дорогой, вы уж загляните к старику Биксу. И расскажите ему о своих приключениях.

– Конечно, – сказала Сюзанна, хотя и знала, что они никогда не вернутся этой дорогой. Они все это знали.

– И берегитесь стыловоя. С ним шутки плохи. Но у вас есть еще день. Может, два. Он же еще не кружит на месте? Еще не кружишь, да, Ыш?

– Ыш! – согласился ушастик.

Бикс тяжело вздохнул:

– Ну что же... Теперь вы пойдете своей дорогой, а я – своей. Нам всем надо успеть укрыться от бури.

Роланд и его тет зашагали по старой дороге, прочь от реки.

– Эй, погодите! – окликнул их Бикс, и они обернулись к нему. – Если вдруг встретите этого треклятого Энди, скажите ему, что я не хочу слушать песенки и не хочу знать свой *горрыскоп*!

– Кто такой Энди? – спросил Джейк.

– Да есть там один. Ну и пес с ним. Может, вы с ним и не встретитесь.

После никто и не вспомнил об этих словах старика, хотя они все-таки встретили Энди в фермерском поселении Калья-Брин-Стерджис. Но это было уже потом, после бури.

8

До заброшенного городка было миль пять, не больше, так что дорога от реки заняла меньше часа. А рассказ Роланда о стыловее – и того меньше.

– Раньше они случались в Большом полесье, к северу от Нью-Ханаана, пару раз в год. У нас в Гилеаде их не было, так далеко буря не доходила. Но я помню повозки на Гилеадской дороге. Повозки, груженные замороженными телами. Фермеры с семьями, я думаю. Где были их трокены... их ушастики-путаники... я не знаю. Может быть, заболели и умерли. Как бы там ни было, эти люди остались без своих ушастиков. Предупредить их было некому, и подготовиться они не успели. Стыловой всегда начинается внезапно. Еще минуту назад было жарко... перед стыловеем всегда бывает потепление... а потом он кидается на тебя, словно стая волков на овечье стадо. Единственный признак его приближения – звук, который издают деревья, попавшие под стыловей. Такие глухие удары, как будто гранаты взрываются под землей. Видимо, оттого, что живые соки деревьев мгновенно смерзаются в лед. Может, они и услышали, эти люди. Но те, кто был в поле, уже ничего не успели.

– Мгновенно смерзаются в лед? – нахмурился Эдди. – Это какой же должен быть мороз?

– В течение часа температура может упасть на сорок отметок ниже точки замерзания, – угрюмо проговорил Роланд. – Пруды и озера покрываются льдом в считанные минуты. И звук при этом такой, словно оконные стекла бьются от пуль. Птицы прямо в полете превращаются в ледяные фигурки и падают, как камни, с неба. Трава обращается в стекло.

– Так не бывает, – сказала Сюзанна. – Ты явно преувеличиваешь.

– Нисколько. И холод – это еще не все. Самое страшное – ветер. Настоящая буря. Ломает замерзшие деревья словно соломинки. Проносится над землей, проходит, бывает, три сотни колес, а потом поднимается в небо. Так же внезапно, как и опустилась.

– А как ушастики узнают о приближении бури? – спросил Джейк.

Роланд лишь покачал головой. Он никогда не задавался вопросами «как» или «почему».

9

Они набрали на обломок дорожного указателя, лежавший на пыльной земле. Эдди поднял его и прочитал.

– Тут всего одно слово. Кстати, меткое определение всего Срединного мира. Слегка непонятно, но очень в тему. И даже ржачно. – Он повернулся к остальным, держа дощечку на уровне груди. На дощечке было написано большими неровными буквами: «ОСАДОК».

– Осадок – это глубокий колодец, – сказал Роланд. – По неписаному закону, всякий путник может напиться из него, не спрашивая разрешения. И никто не вправе ему запретить или требовать платы.

– Добро пожаловать в Осадок. – Эдди зашвырнул дощечку в придорожные кусты. – Мне это нравится. Будь у меня автомобиль, я бы приклеил на бампер наклейку: «Я переждал стыловей в Осадке – и не выпал в осадок!»

Сюзанна рассмеялась. Джейк даже не улыбнулся. Он молча указал на Ыша, который кружился на месте, словно пытаясь поймать собственный хвост.

– Похоже, нам надо поторопиться, – сказал мальчик.

10

Они вышли из леса, и сразу за ним начался городок. Давно заброшенное поселение, растянувшееся по обеим сторонам дороги примерно на четверть мили. Там были и жилые дома, и торговые лавки, но теперь их уже было не различить. Остались лишь покосившиеся обложки, глядящие на дорогу пустыми провалами окон, в которых когда-то, наверное, были стекла. Единственная более-менее сохранившаяся постройка стояла на южной окраине городка. Там заросшая сорняками главная улица расщеплялась на два рукава, обтекая низкое квадратное здание, сложенное из серого плитняка. Оно стояло в окружении густого кустарника и молоденьких елок, которые, видимо, выросли уже после того, как жители покинули городок; корни деревьев потихонечку подбирались под фундамент молитвенного дома. Со временем они окрепнут и свалят здание, а уж времени в Срединном мире было в избытке.

– Старик был прав насчет дров, – сказал Эдди, поднял с земли старую, покоробившуюся дощечку и положил поперек ручек коляски Сюзанны, словно импровизированный столик. – Их здесь навалом. – Он покосился на Ыша, который снова кружился на месте. – Ну если мы успеем их собрать.

– Сейчас и начнем собирать, – ответил Роланд. – Только сначала проверим, что там внутри. Чтобы потом не пришлось разбираться с какими-нибудь непредвиденными соседями. В общем, давайте быстрее.

11

Внутри было холодно и промозгло. На втором этаже жили птицы, которых ньюйоркцы называли воробьями, а Роланд – буроржавками. Но кроме птиц, в здании не было никого. Оказавшись внутри, Ёш сразу избавился от навязчивого стремления посмотреть на северо-запад и кружить на месте. В нем вновь проснулось природное любопытство, и он тут же бросился вверх по лестнице – туда, где что-то чирикало и било крыльями. Потом раздался пронзительный лай, а вскоре стайка встревоженных буроржавок выпорхнула наружу и улетела искать себе новое пристанище в менее населенных районах Срединного мира. Хотя если Роланд не увеличивал, подумал Джейк, и если они летят в сторону Уайе, то уже очень скоро превратятся в сосульки.

Весь первый этаж занимал один большой зал. Вдоль стен стояли столы и скамейки. Роланд, Эдди и Джейк подтащили их к окнам, в которых давно уже не было стекол – хорошо еще, окна были узкими и небольшими, – и закрыли пустые проемы. Окна с северо-западной стороны заложили снаружи, чтобы ветер не опрокинул заслоны, а прижал их плотнее к стене.

Сюзанна тем временем въехала на коляске в камин – такой огромный, что ей даже не пришлось пригibasья. Она подняла голову, заметила какое-то ржавое кольцо, взялась за него, потянула. Раздался чудовищный скрип... тишина... а потом на нее обрушилось плотное облако черной золы. Она отреагировала мгновенно, очень живо и очень по детта-уокеровски.

– *Твою мать, что за хрень?! Мудацкий камин, кочергу ему в жопу!*

Она выехала обратно, кашляя и махая руками перед лицом. У нее на коленях лежала огромная куча золы. Сюзанна стряхнула ее на пол резкими движениями, больше напоминавшими удары.

– *Вот же, блин, мандавошь закопченная! И что вообще оно там...*

Она обернулась и увидела Джейка, который таращился на нее, открыв рот. Ёш у него за спиной тоже застыл с выпученными глазами.

– Прошу прощения, – сказала Сюзанна. – Что-то меня занесло. Вообще-то я больше злюсь на себя. Сколько себя помню, у нас всегда были каминьки. Так что я уж могла бы сообразить и не тянуться ручонками куда не надо.

– Ты ругаешься даже покруче папы, – проговорил Джейк с искренним уважением. – Я думал, *никто* не ругается круче моего папы.

Эдди подошел к Сюзанне и принялся стирать золу с ее лица и шеи. Она оттолкнула его руки.

– Ты только еще больше размазываешь. Лучше давай-ка поищем этот колодец, который Осадок. Может быть, там еще есть вода.

– Даст Бог – будет и вода, – сказал Роланд.

Сюзанна резко обернулась к нему и прищурилась.

– Издеваешься, Роланд? Я тут сижу этаким Смоляным Чучелком, а тебе, значит, весело!

– Ни в коем случае, сэй, – заверил Роланд, но в уголке его рта притаился намек на улыбку. – Эдди, Сюзанна, ищите колодец. Мы с Джейком пока начнем собирать дрова. Эдди, как только закончишь, давай сразу к нам. Надеюсь, наш друг Бикс успеет добраться домой. Потому что, мне кажется, времени у него меньше, чем он рассчитывал.

12

Колодец располагался совсем рядом с молитвенным домом, на небольшой площади, которая раньше, возможно, была главной площадью городка. Веревка, конечно, уже давно сгнила, но у путешественников была другая. Веревка – вообще не проблема.

– Проблема в том, – сказал Эдди, – что нам к ней привязать. Может, старую седельную сумку Роланда...

– А вон там что такое? – спросила Сюзанна, указав на заросли ежевики слева от колодца.

– А что там? Я ничего не вижу... – начал было Эдди – и тут же увидел. Тусклый проблеск ржавого металла. Стараясь не оцарапаться о колючки, Эдди сунул руку в кусты и вытащил ржавое ведро, внутри которого свернулся кольцом засохший побег плюща. Ведро было старым, но вроде бы крепким. И даже с ручкой.

– Дай-ка я посмотрю, – предложила Сюзанна.

Эдди выкинул засохший плющ и передал ведро Сюзанне. Она подергала ручку, и та сразу же отломилась, но не с резким щелчком, а с тихим, обреченным вздохом. Сюзанна виновато взглянула на Эдди и пожала плечами.

– Ничего страшного, – сказал Эдди. – Лучше сейчас, чем в колодце.

Он выкинул ручку в кусты ежевики, отрезал кусок веревки и продел ее сквозь дужки, в которых прежде крепилась ручка. Веревку пришлось раскрутить, иначе она не пролезала в дырочки.

– Неплохо, – сказала Сюзанна. – Кто-то у нас очень даже умелый для белого мальчика. – Она заглянула в колодец. – Воду я вижу. И неглубоко. Меньше десяти футов. Она *такая холодная* с виду.

– А кто-то у нас чересчур уж разборчивый для трубочиста, – заметил Эдди.

Ведро ударилось о воду, накренилось и начало наполняться. Когда оно полностью погрузилось, Эдди принялся вытягивать его наружу. Ведро слегка подтекало в тех местах, где ржавчина проела его насквозь, но дырочки были совсем небольшими. Эдди снял рубашку, намочил ее и принялся вытирать лицо Сюзанны.

– Вот это да! – воскликнул он. – А трубочист-то – девчонка!

Она отобрала у него рубашку, прополоскала в ведре, выжала и начала стирать сажу с рук.

– Ну вот, уже лучше, чем было. Сейчас еще пара заходов, и будет нормально. А когда соберем дрова и разожжем камин, можно будет домиться в теплой...

С северо-западной стороны донесся глухой удар. А через пару секунд – второй. Потом – еще и еще, а дальше удары посыпались, как автоматная очередь. Звук шел точно в направлении городка, словно топот приближающейся вражеской армии. Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись.

Эдди, голый по пояс, схватился за ручки коляски.

– Банный день отменяется.

Все еще издалека – но уже явно ближе, чем раньше – доносился раскатистый грохот, как будто там шло сражение.

– Похоже на то, – сказала Сюзанна.

13

Вернувшись, они увидели, как Роланд с Джейком бегут к молитвенному дому с охапками старых разломанных досок. По-прежнему издалека, но уже чуточку ближе, чем раньше, доносился грохочущий хруст замерзающих деревьев, тронутых стыловеем. Ыш кружился волчком посреди улицы.

Сюзанна резко подалась вперед, выпала из коляски, приземлившись на руки, и поползла к дому.

– Ты чего? – растерялся Эдди.

– В коляску можно сложить больше дров. А я пока разведу огонь. Попрошу у Роланда огниво.

– Но...

– Эдди, я уже большая девочка. И хочу сделать хоть что-то полезное. А ты, кстати, надень рубашку. Да, она мокрая, но ты хотя бы не покорябашься.

Эдди сделал, как она сказала. Потом наклонил коляску к себе, так, чтобы она встала на два больших задних колеса, и покатил ее к ближайшему вероятному «дровяному складу». Проходя мимо Роланда, он передал ему просьбу Сюзанны, и тот коротко кивнул на бегу.

Они молча носили доски и складировали их в доме, чтобы спастись от лютой стужи. Хотя пока что на улице было тепло, даже жарко. Тропа Луча в небе на время исчезла, потому что теперь тучи плыли сплошной пеленой в юго-восточном направлении. Сюзанна разожгла огонь в камине, и тяга в трубе завывала, как зверь. Посреди зала уже собралась изрядная куча досок, некоторые – с торчавшими из них ржавыми гвоздями. Пока никто даже не оцарапался, однако Эдди не сомневался, что это лишь вопрос времени. Он попытался припомнить, когда ему в последний раз делали прививку от столбняка, но так и не вспомнил.

А за Роланда можно не волноваться, подумал он. В его крови никакая бацилла не выживет. Сдохнет сразу же, в тяжелых корчах.

– Ты чему улыбаешься? – запыхавшись, спросил Джейк. Рукава его рубашки испачкались и были утыканы щепками, на лбу красовалось пятно черной грязи.

– Да так, ничему. Ты там осторожнее с ржавыми гвоздями. Еще сходим по разу – и хватит, наверное. Буря уже совсем близко.

– Ага.

Глухой грохот уже перебрался на их сторону реки, и хотя на улице по-прежнему было тепло, воздух как будто сгустился, и в нем ощущалось какое-то тревожное напряжение. Эдди в последний раз загрузил кресло Сюзанны досками и покатил его к дому. Из открытой двери веяло жаром, который чувствовался даже на расстоянии. *Надеюсь, и вправду похолодает*, подумал Эдди. *Иначе мы там зажаримся.*

Он остановился у двери, дожидаясь, пока Роланд с Джейком не пройдут внутрь. И тут со стороны реки донесся пронзительный тоненький визг, который все не кончался и не кончался, а наоборот, набирал силу. От этого звука Эдди пробрал озноб. Приблизившийся ветер был как будто живым, и в его голосе слышалась боль.

Воздух всколыхнулся, пришел в движение. Сперва он был теплым, потом стал прохладным и высушил пот на лбу Эдди, а затем сделался по-настоящему холодным. Это произошло в считанные секунды. К пронзительному визгу ветра присоединились какие-то странные шелестящие хлопки, похожие на шуршание пластиковых флажков, которыми иногда окружают площадки, где стоят предназначенные на продажу подержанные автомобили. Хлопки слились в единый стрекочущий рокот. Ветер уже срывал листья с деревьев. Сначала – горстями, затем – охапками, а потом – просто все разом. Голые ветки раскачивались на фоне неба, которое темнело буквально на глазах.

– *О черт!* – выдохнул Эдди и бросился к двери, толкая перед собой кресло. И конечно же, оно застряло в дверном проеме. В первый раз за десять ходок. Доски, которые Эдди сложил поперек подлокотников, оказались слишком длинными. В любой другой раз они бы просто сломались – с тем же тихим, почти виноватым вздохом, с каким от ведра отломилась ручка. Но на этот раз – нет. Потому что буря подошла совсем близко, а закон подлости действует повсеместно, в том числе и в Срединном мире. Эдди протянул руку поверх спинки кресла, чтобы сбросить на землю самые длинные доски, и в это мгновение Джейк закричал:

– *Ыш! Ыш остался снаружи! Ыш! Ко мне!*

Но Ыш как будто не слышал. Он уже не крутился на месте. Теперь он просто сидел, подняв мордочку вверх и заворуженно глядя в ту сторону, откуда шла буря.

14

Джейк не думал о ржавых гвоздях, торчавших из сваленных на коляску деревяшек. Он вообще ни о чем не думал – просто взобрался на шаткую кучу досок и прыгнул. Даже не глядя куда. Налетел прямо на Эдди, и тот пошатнулся, безуспешно попытался удержать равновесие и плюхнулся на пятую точку. Джейк тоже грохнулся, но тут же вскочил на ноги – глаза широко раскрыты, длинные волосы развеваются на ветру.

– Нет, Джейк! Стой!

Эдди схватил Джейка за рукав, но рубашка была уже старой, изношенной; ткань истончилась от многочисленных стирок в ручьях и речушках. Джейк дернул рукой, и манжет оторвался.

Роланд возник у двери, сбросил с кресла самые длинные доски – как и Джейк, совсем не тревожась о ржавых гвоздях, – рывком втянул кресло внутрь и рывкнул на Эдди:

– Быстро в дом!

– Но Джейк...

– Джейк либо справится, либо нет. – Роланд схватил Эдди за руку и поднял на ноги. Джинсы обоих хлопали на ветру с таким звуком, будто кто-то строчил из пулемета. – Он сам о себе позаботится. Иди в дом.

– Ни хрена!

Роланд не стал спорить. Он просто толкнул Эдди внутрь. Тот упал, растянувшись на полу. Сюзанна, стоявшая на коленях перед камином, удивленно обернулась. Ее лицо блестело от пота, рубашка из оленьей кожи намокла на груди.

Застыв на пороге, Роланд с мрачным видом наблюдал за тем, как Джейк бежит к своему другу.

15

Джейк чувствовал, как понижается температура воздуха. Ветка дерева отломилась с сухим треском, и ему пришлось пригнуться, чтобы она не задела его по голове. Ыш даже не шелохнулся, пока Джейк не подхватил его на руки. Только тогда ушастик встрепенулся, огляделся вокруг с диким видом и оскалился, обнажив зубы.

– Можешь кусаться, – сказал ему Джейк, – я все равно тебя не отпущу.

Ыш его не укусил, но даже если бы и укусил, Джейк все равно бы, наверное, не почувствовал. Его лицо онемело. Он побежал обратно к дому, и ветер превратился в огромную холодную руку, толкавшую его в спину. Где-то на втором шаге он понял, что не бежит, а передвигается большими прыжками, как космонавт на Луне в каком-нибудь фантастическом фильме. Один прыжок... второй... третий...

Только на третьем прыжке он не приземлился. Ветер подхватил его и потащил вперед, и ему только и оставалось, что прижимать к себе Ыша крепче. Сбоку раздался оглушительный треск: это один из старых домов не выдержал напора бури. Обломки взвились в воздух. Джейк увидел, как кусок лестницы с грубыми дощатыми перилами уносится вверх, к темному небу. *Мы следующие*, подумал он, а потом крепкая рука (без двух пальцев, но по-прежнему сильная) схватила его чуть выше локтя.

Роланд развернул Джейка к двери. Однако исход битвы с бурей до последнего оставался неясным – ветер был слишком сильным. Роланд рванулся назад, его оставшиеся пальцы буквально впились в руку Джейка. А потом хватка ветра внезапно разжалась, и Роланд с Джейком ввалились в дом. Стрелок упал на спину, утянув мальчика за собой.

– Слава Богу! – воскликнула Сюзанна.

– Богов будем славить позже! – Роланду приходилось кричать, иначе его голос просто утонул бы в реве бури. – Закрываем дверь! Все вместе! Сюзанна, ты толкай снизу! Со всей силы! Джейк, ты закроешь засов! Опустись вот эту штуку на эти скобы! Сразу, как только закроется дверь! Ты понял?

– Я понял, да, – раздраженно ответил Джейк. По его щеке, сбоку, стекала тоненькая струйка крови. Видимо, что-то задело его по виску, пока он бежал к дому. Но глаза были ясными, сосредоточенными.

– Давайте! Толкаем! Все вместе!

Они навалились на дверь, и та, пусть и с трудом, но закрылась. Даже втроем они бы, наверное, не удержали ее и десяти секунд, однако, к счастью, им не пришлось это проверять. Джейк тут же опустил тяжелый деревянный засов. Роланд, Эдди и Сюзанна настороженно отступили от двери. Ржавые скобы, не слишком надежные с виду, держались крепко. Путешественники переглянулись и посмотрели на Ыша. Тот радостно твякнул и перебрался поближе к камину. Похоже, чары надвигавшейся бури больше не действовали на ушастика.

Стужа уже проникала внутрь. Вдали от камина было прохладно.

– Я бы успел догнать Джейка, – сказал Эдди Роланду. – Почему ты меня остановил? Он же мог там погибнуть.

– Джейк отвечает за Ыша. Он должен был раньше забрать его в дом. На привязь его посадить, если уж по-другому нельзя. Разве не так, Джейк?

– Все так, да. – Джейк присел рядом с Ышем и погладил его по шерстке. Другой рукой стер с лица кровь.

– Роланд, – сказала Сюзанна, – он же еще ребенок.

– Уже не ребенок, – ответил Роланд. – Прости меня великодушно, но нет... уже нет.

16

В первые часы стыловея было еще не понятно, выдержит ли каменный дом напор бури. Ветер ревел, деревья ломались, как спички. Одно упало на крышу и проломило в ней дыру. Струйки студеного воздуха пробивались в нижний зал сквозь щели между потолочными досками. Сюзанна и Эдди сидели, тесно прижавшись друг к другу. Джейк прикрывал собой Ыша (тот безмятежно лежал на спине, растопырив короткие лапки во все четыре стороны) и то и дело поглядывал на потолок, под которым кружились взвихренные облачка высохшего птичьего помета, просочившегося сквозь щели. Роланд спокойно выкладывал из сумки провизию. Близились время ужина.

– Что скажешь, Роланд? – спросил Эдди.

– Скажу, что если здание продержится еще час, значит, оно точно выстоит. Холод будет усиливаться, но с наступлением темноты ветер слегка утихнет. Завтра станет еще чуть тише, а послезавтра ветра не будет вообще, и станет гораздо теплее. Такой жары, как до бури, конечно, не ждите. Но мы же знаем, что это была неестественная жара.

Он глядел на своих спутников и почти улыбался. Эта полуулыбка смотрелась странно и непривычно на его вечно серьезном, даже угрюмом, лице.

– А пока у нас есть очаг и огонь в очаге. Все помещение он не согреет, но если держаться поближе к камину, его тепла будет достаточно. И у нас есть возможность чуть-чуть отдохнуть. Ведь нам пришлось многое пережить, верно?

– Да, – сказал Джейк. – Даже *слишком*.

– И еще больше ждет впереди. Опасности, горести, трудная, изнурительная работа. Может быть, смерть. Так что давайте, пока есть возможность, сядем у очага, словно в старые добрые времена, и отдохнем. – Роланд смотрел на своих спутников все с той же странной улыбкой. В отсветах пламени его лицо казалось разрезанным надвое: с одной стороны – молодое, с другой – совсем старое. – Мы – ка-тет. Мы – единство из множества. Мы должны быть благодарны судьбе за укрытие от бури, тепло и товарищество. Ведь есть и такие, у кого ничего этого нет. Им повезло меньше нас.

– Будем надеяться, что им все-таки повезло, – заметила Сюзанна, думая о Биксе.

– Идите сюда, – сказал Роланд. – Будем ужинать.

И они подошли, и уселись вокруг своего дина, и принялись за еду, которую он им предложил.

17

Сюзанна заснула быстро, но проспала не более двух часов. Ей приснился отвратительный сон про какую-то гнилую, кишашую червями еду, от которой ее воротило, но которую все равно приходилось есть. Этот сон ее и разбудил. Снаружи по-прежнему завывал ветер, однако уже не так размеренно, как прежде. Временами он почти полностью затихал, потом вновь набирал силу, издавая пронзительный ледяной свист. Стены дома вздрагивали. Дверь, колотившаяся о деревянный засов, издавала глухой ритмичный стук, но и ржавые скобы, и сам засов держались крепко. Сюзанне не хотелось даже думать о том, что было бы с ними всеми, если бы засов оказался гнилым, как ручка на том ведре, найденном у колодца.

Роланд не спал, сидел у камина. Вместе с Джейком. Ыш лежал на полу между ними и сладко посапывал, прикрыв мордочку лапой. Сюзанна присоединилась к ним. Огонь уже не полыхал в полную силу, но рядом с камином все равно было тепло. Она взяла доску, подумала разломить надвое, но решила, что резкий звук может разбудить Эдди, и бросила ее в камин целиком. Роем поднялись искры и, кружась, полетели в трубу.

Как оказалось, можно было и не беспокоиться, потому что еще до того, как все искры скрылись в трубе, Сюзанна почувствовала на затылке прикосновение ласковой руки. Ей не нужно было оборачиваться: это прикосновение, эту руку она узнала бы из тысячи. Она взяла ее, поднесла ко рту и поцеловала ладонь. *Белую ладонь.* Даже теперь, после того как они столько раз занимались любовью, Сюзанне иногда не верилось, что такое возможно. Но ведь возможно. *И так и есть.*

По крайней мере мне не придется знакомить его с родителями, подумала она.

– Не спится?

– Ну да. Есть такое. Сны какие-то странные снятся.

– Это все из-за бури, – сказал Роланд. – Она навевает дурные сны. В Гилеаде все знали об этом. Но мне нравится, как шумит ветер. И всегда нравилось. Он утешает мое сердце и пробуждает воспоминания о былых временах.

Он отвернулся, словно смутившись, что сказал так много.

– Раз уж мы все равно не спим, расскажи нам историю, – предложил Джейк.

Роланд еще долго смотрел на огонь, потом повернулся к Джейку. Стрелок вновь улыбался, но его взгляд был рассеянным и далеким. Доска в камине треснула. Вновь полетели искры. Ветер снаружи зашелся пронзительным воем, словно взбешенный тем, что не может пробраться в дом. Эдди обнял Сюзанну за талию, прижал к себе. Она положила голову ему на плечо.

– Какую историю ты хочешь услышать, Джейк, сын Элмера?

– Любую. – Джейк умолк на мгновение и добавил: – О былых временах.

Роланд повернулся к Сюзанне и Эдди:

– Вы тоже хотите послушать историю?

– Да, – сказала Сюзанна.

– Да, – кивнул Эдди. – То есть если ты хочешь рассказывать.

Роланд задумался.

– Может быть, я расскажу две истории. До рассвета еще далеко, а поспать можно и днем. Эти истории, они как бы вложены одна в другую. И все-таки ветер дует сквозь обе, и это поистине хорошо. Нет ничего лучше историй, рассказанных ветреной ночью, когда люди находят теплое укрытие в холодном мире.

Он взял длинную узкую деревяшку, пошевелил раскаленные угли и бросил ее в огонь.

– Одна история будет из жизни. О том, что я видел своими глазами и что пережил вместе с Джейми Декарри, моим старым другом и собратом по ка. Вторая история – сказка, которую

мама читала мне в детстве. Она называется «Ветер сквозь замочную скважину». В старых сказках иной раз содержится очень полезная информация, и эту сказку я должен был вспомнить, как только увидел, что Ыш беспокоится и принюхивается к чему-то в воздухе. Но это было давно. – Роланд вздохнул. – Очень давно.

Снаружи взвыл ветер. Роланд дождался, пока тот слегка утихнет, и начал рассказ. Эдди, Сюзанна и Джейк слушали как замороженные всю эту долгую ночь, которая все никак не кончалась. Лад, Тик-Так, Блейн Моно, Изумрудный дворец – все забылось. Даже Темная Башня забылась на время. Были только ночь и голос Роланда, который то нарастал, то становился совсем-совсем тихим.

То нарастал, а то вдруг затихал, как вой ветра снаружи.

– Вскоре после гибели мамы, которая, как вам известно, приняла смерть от моей руки...

Шкуроверт. Часть I

Вскоре после гибели мамы, которая, как вам известно, приняла смерть от моей руки, мой отец – Стивен, сын Генри Высокого – вызвал меня к себе. В кабинет в северном крыле дворца. Тесную, холодную комнату. Помню, как свистел ветер за узкими окнами. Помню высокие хмурые стеллажи с книгами. Эти книги стояли целое состояние, но их никогда не читали. *Он* их не читал. Помню черный воротник у него на рубаше – знак траура. Я носил точно такой же. Все мужчины Гилеада носили такие воротники. Или черные повязки на рукавах. А женщины – черные сетки на волосах. Траур по Габриэль Дискейн должен был продолжаться полгода.

Я поприветствовал его, поднеся ко лбу сжатый кулак. Он не поднял глаза, не оторвался от бумаг, разложенных на столе, но я знал, что он видел меня. Мой отец видел все, очень хорошо видел. Я ждал. Он подписывал какие-то документы. За окном свистел ветер, во внутреннем дворе кричали грачи. Огонь в камине не горел. Отец редко звал слуг, чтобы те разожгли камин. Даже в самые студеные дни.

Наконец он посмотрел на меня.

– Как там Корт, Роланд? Как там твой бывший наставник? Ты должен знать, потому что, как мне сообщили, ты почти все свое время проводишь с ним, кормишь его и все прочее.

– Бывают дни, когда он меня узнает, – сказал я. – Но чаще не узнает. Одним глазом он кое-как видит. Второго... – Договаривать было не нужно. Второго глаза у Корта не было. Его вырвал Давид, мой сокол, когда я проходил испытание в поединке с учителем. Корт, в свою очередь, убил Давида. Но Давид стал последним, кого убил Корт.

– Я знаю, что стало с его вторым глазом. Ты правда кормишь его?

– Да, отец.

– И моешь, когда он ходит под себя?

Я стоял перед отцом, словно нашкодивший ученик перед строгим учителем. Именно так я себя ощущал. Но как много вы знаете нашкодивших учеников, убивших собственных матерей?

– Отвечай мне, Роланд. Я – твой дин и отец, и я хочу получить ответ.

– Иногда. – И я в общем-то не солгал. Иногда я менял Карту белье по три-четыре раза на дню. Иногда, в особо удачные дни – всего один раз, а то и вовсе ни разу. Он был вполне в состоянии дойти до сортира, если я вел его под руку. И если он вспоминал, куда надо ходить по нужде.

– Разве у него нет сиделок?

– Я их отослал.

Отец посмотрел на меня с искренним любопытством. Я искал в его лице хоть какой-то намек на презрение – отчасти даже хотел это увидеть, – но презрения не было. Или я просто его не разглядел.

– Я воспитывал тебя человеком, достойным носить револьверы, чтобы ты стал сиделкой при сломленном старике?

И тут я разозлился. Корт воспитал не одну смену мальчишек в традициях Эльда и наставлял их на путь стрелка. Но не все удостоились ими стать. Те, кому не удавалось пройти испытание и победить Корта в поединке, становились изгнанниками. Они уходили на запад. Уходили одни, без оружия, без всего. И там, в Крессии и еще дальше, в краях, где царила анархия, многие из тех побитых Кортом мальчишек присоединились к Джону Фарсону, Благодетелю, как его называли. К тому самому Джону Фарсону, который потом все разрушил – все, что пытался сберечь мой отец, что защищали стрелки рода Эльда. *Фарсон* дал им оружие, этим мальчишкам. У него было оружие, и у него были планы.

– И что же, бросить его теперь в выгребную яму? Такова, значит, будет его награда за долгие годы службы? А кто станет следующим? Ванней?

– Никогда в жизни, и ты это знаешь. Но сделанного не воротишь, Роланд, как тебе тоже должно быть известно. И ты нянчишься с ним вовсе не из любви. И сам это понимаешь.

– Я это делаю из уважения!

– Если бы только из уважения, ты бы его навещал, читал бы ему... твоя мать всегда говорила, что ты отменно читаешь вслух, и в этом она не лгала... но ты бы не стал вычищать его дерьмо и менять ему постель. Ты наказываешь себя за смерть матери, но это была не твоя вина.

Я знал, что это правда. И все же отказывался в это верить. Официальное объявление о смерти было простым: «Габриэль Дискейн, родом из Артена, умерла, одержимая демоном, изнуравшим ей душу». Так всегда говорилось о людях знатного рода, покончивших самоубийством. Именно так и представили смерть моей матери. И все приняли эту версию без тени сомнений, даже те, кто связал свою судьбу с Фарсоном, тайно или не так уж и тайно. Потому что все знали (и лишь богам было известно откуда, уж точно не от меня и не от кого-то из моих друзей), что моя мать была любовницей Мартена Брудклока, придворного мага и главного советника моего отца, и что Мартен сбежал на запад. Один.

– Роланд, слушай меня внимательно. Я знаю, ты чувствуешь себя преданным. Считаешь свою мать изменницей. Я сам испытываю те же чувства. Отчасти ты ненавидишь ее. И я тоже ее ненавижу, отчасти. Но мы оба любили ее, и любим до сих пор. Ты был отравлен игрушкой, которую привез из Меджиса, и обманут злой ведьмой. По отдельности их силы, может быть, и не хватило бы, но розовый шар вместе с ведьминским колдовством... да.

– Риа. – Глаза щипало, но я собрал волю в кулак и сдержал слезы. Для себя я решил, что никогда больше не стану плакать на глазах у отца. Никогда в жизни. – Риа с Кооса.

– Да, она. Старая сука с черной душой. Это она убила твою мать, Роланд. Она превратила тебя в револьвер... и нажала на спусковой крючок.

Я ничего не сказал.

Он, должно быть, почувствовал, как мне плохо, потому что вновь принялся перебирать и подписывать бумаги у себя на столе. Потом опять поднял голову.

– За Кортом пока что присмотрят сиделки. А ты поедешь в Дебарию с поручением. Вместе с одним из своих товарищей.

– В Дебарию? В Ясную обитель?

Отец рассмеялся:

– Ты имеешь в виду ту обитель, где останавливалась твоя мать?

– Да.

– Нет, туда тебе точно не надо. Это *страшные* женщины. Они с тебя заживо кожу сдерут, если ты только шагнешь на порог их святого убежища. Большинство сестер Ясной обители предпочитают длинную мерку мужчинам.

Я не понял эту последнюю фразу. Не забывайте, я был тогда совсем юным, невинным и очень наивным во многих вещах – даже после всего, что мне пришлось пережить.

– Мне кажется, я еще не готов снова ехать куда-то с заданием, отец.

Он холодно взглянул на меня.

– Позволь мне судить, к чему ты готов, а к чему не готов. К тому же такого, как в Меджисе, там не будет. Да, я допускаю, что там опасно. И может быть, даже дойдет до стрельбы. Но, по сути, это обычная работа, которую надо сделать. Отчасти ради того, чтобы люди, которые начали сомневаться, смогли убедиться, что Белизна все еще в силе. Но прежде всего потому, что нельзя оставлять преступление безнаказанным. То, что неправильно, надо исправить. Тем более, как я уже говорил, ты поедешь туда не один.

– А кто поедет со мной? Катберт или Ален?

– Ни тот ни другой. Оба нужны мне здесь. Поедешь с Джейми Декарри.

Я обдумал услышанное и решил, что Краснорукий Джейми будет хорошим спутником. Хотя я предпочел бы поехать с Катбертом или Аленом. И отец, разумеется, это знал.

– Поедешь без возражений или будешь мне что-то доказывать и отрываться от дел?

– Я поеду.

На самом деле я был даже рад хоть на время сбежать из дворца – от его сумрачных комнат и тайных интриг, от этого всепроникающего ощущения, что близится тьма и анархия, и ничто не способно их остановить. Когда мир сдвинется с места, Гилеад не сдвинется вместе с ним. Этот сверкающий дивный пузырь просто лопнет.

– Хорошо. Ты хороший сын, Роланд. Может быть, я тебе никогда этого не говорил, но это правда. Мне не в чем тебя упрекнуть. Да, не в чем.

Я опустил голову. Потом, когда выйду отсюда, я дам волю чувствам. Но не сейчас. Не на глазах у отца.

– В десяти или двенадцати колесах от женской обители... Ясной обители, или как там ее называют... располагается городок Дебария, на самом краю солонцовых равнин. Ничего зловещего в нем нет. Обычный железнодорожный узел, пыльный, пропитанный запахом скотобойни. Оттуда идут поезда со скотом и солью. На восток, север и юг – во всех направлениях, кроме того, где засел этот мерзавец Фарсон. Скота с каждым годом все меньше и меньше, и я думаю, уже в скором времени Дебария придет в запустение и исчезнет с лица земли, как происходит со многими поселениями Срединного мира, но пока что там кипит жизнь. Салуны, игорные дома и притоны с девицами... В общем, то еще злчное место. Однако там есть надежные люди. Да, в это трудно поверить, но хорошие люди там есть. Один из них – старший шериф Хью Пиви. К нему-то вы и пойдете. Представитесь как положено. Покажете свои револьверы и сигул, который я дам. Пока все понятно?

– Да, отец. И что же там случилось такого ужасного, что оно требует внимания стрелков? – После смерти матери я улыбался нечасто, но тут улыбнулся. – Пусть даже таких желторотых, как мы?

– Согласно докладам, которые я получаю... – Он взял со стола стопку листов и взмахнул ими. – В городе появился шкуроверт. У меня самого есть большие сомнения на этот счет. Но одно несомненно: люди напуганы.

– Я не знаю, кто такой шкуроверт, – сказал я.

– Что-то вроде оборотня. Во всяком случае, так говорится в старинных легендах. Когда мы закончим, иди к Ваннею. Он собирал все доклады.

– Хорошо.

– Выполни свою работу, найди безумца, который бродит по городу, нарядившись в звериные шкуры... скорее всего именно так оно и обстоит на самом деле... только не слишком затягивай с этим делом. Назревают большие события, очень серьезные. Ты будешь нужен мне здесь – ты и весь твой ка-тет – до того, как все начнется.

Через два дня мы с Джейми отправились в путь. Для нас и наших лошадей снарядили специальный поезд на два вагона. Когда-то Западный рельсовый путь тянулся на тысячу с лишним колес, до самой пустыни Мохане, но в годы, предшествовавшие падению Гилеада, по железной дороге можно было доехать не дальше Дебарии. За ней хорошая дорога кончалась. Большие участки путей были разрушены землетрясениями и непогодой. А что пощадили стихии, то растащили бродячие шайки бандитов, называвших себя сухопутными пиратами. И таких было немало – в тех диких землях царили анархия и беззаконие. Эти земли на дальнем западе мы называли Внешним миром, и этот мир как нельзя лучше служил целям Джона Фарсона. По сути, Фарсон и сам был всего лишь бандитом. Но с большими амбициями.

Паровозик был маленьким, почти игрушечным. Жители Гилеада называли его «свисток на колесах» и смеялись, когда он, пытаясь, проезжал по мосту за дворцом. Верхом мы бы добра-

лись быстрее, но поезд давал нам возможность побережь лошадей. А пыльные бархатные сиденья в пассажирском вагоне раскладывались в спальные места. Это было удобно. То есть мы с Джейми так думали до тех пор, пока не попытались там спать. Вагон все время трясло и шатало, а однажды трянуло так, что Краснорукий Джейми свалился на пол. Катберт бы рассмеялся, случись с ним такое, Ален стал бы ругаться, но Джейми молча поднялся, снова лег на кровать и мгновенно заснул.

В тот первый день мы почти всю дорогу молчали – просто сидели, смотрели в окно, сквозь дрожащую пленку листового рыбьего клея. Зеленые луга и леса Гилеада сменились унылыми равнинами, заросшими пыльным кустарником. Были там фермы, явно знававшие лучшие дни, и отдельно стоящие пастушьи хижины, и несколько маленьких городков, чьи жители (среди них было много мутантов) изумленно таращились на «свисток на колесах», медленно едущий мимо. Некоторые из них тыкали пальцем себе в лоб, как будто указывая на невидимый третий глаз. Это означало, что они поддерживают Фарсона. В Гилеаде их бы отправили в тюрьму за измену, но Гилеад был уже далеко. Меня поразило, как быстро сошла на нет преданность этих людей, когда-то принимавшаяся как должное. Это был тревожный знак.

В первый день путешествия, на выезде из Бисфорда-на-Артене, где до сих пор жили родственники моей матери, какой-то толстяк бросил в нас камень. Камень ударился в дверь вагона, в котором ехали наши лошади, и те испуганно заржали. Толстяк увидел, что мы смотрим на него в окно. Ухмыльнулся, схватился за причинное место двумя руками и пошел прочь, ковыляя вразвалку.

– Кто-то хорошо кушает даже в бедном голодном краю, – заметил Джейми, глядя вслед необъятным колышущимся ягодицам в старых латаных-перелатаных штанах.

На следующее утро, когда слуги подали нам завтрак, состоявший из холодной овсянки и молока, Джейми спросил:

– Так ты мне расскажешь, зачем мы едем?

– Только сначала ответь на один вопрос, ладно? Ну, если знаешь ответ.

– Да, конечно.

– Отец сказал, что женщины из обители в Дебарии предпочитают длинную мерку мужчинам. Можешь мне объяснить, что он имел в виду?

Джейми молча смотрел на меня – как будто пытаюсь понять, не издеваюсь ли я над ним, – а потом улыбнулся. Улыбнулся едва заметно, но в случае с Джейми это было равносильно тому, как если бы он схватился за живот, захлебываясь от смеха. Катберт Оллгуд на его месте уже давно бы катался по полу.

– Наверное, это то самое, что шлюхи из нижнего города называют искусственным членом. Теперь понятнее?

– Что, правда?! А как они... ну, это самое... Друг другу, что ли, засовывают?

– Ну, так говорят. Хотя мало ли что говорят. Люди много чего болтают. Ты больше знаешь о женщинах, Роланд. У меня-то и женщины еще не было. Ну ничего. Придет время – все будет. Так зачем нас послали в Дебарию?

– Там у них якобы шкуроверт терроризирует честных граждан. Ну и нечестных, наверное, тоже.

– Шкуроверт – это оборотень? Который в зверя превращается?

В данном случае все было немного сложнее, но основную суть он уловил. Снаружи бушевал ветер, швыряя в стены вагона пригоршни сухой земли. Он был таким сильным, что поезд раскачивался на рельсах, а однажды так накренился, что со стола чуть не упали пустые миски из-под каши. Вернее, они уже начали падать, но мы с Джейми успели их подхватить. Не умеи мы проделывать подобные вещи – причем не задумываясь, – мы бы и негодились на то, чтобы носить револьверы. Не то чтобы Джейми ставил револьверы выше любого другого оружия. При наличии выбора (и времени сделать выбор) он предпочел бы свой лук или арбалет.

– Мой отец в это не верит, – сказал я. – Но Ванней верит. Он...

Тут поезд снова тряхнуло, и нас с Джейми швырнуло вперед. Вагон накренился. Старый слуга, который шел по центральному проходу, чтобы забрать наши миски и чашки, отлетел в самый конец вагона, к двери между салоном и маленькой кухней. Его передние зубы выпали прямо ему на колени. Я, честно сказать, испугался.

Джейми бросился к старику и склонился над ним. Я подошел следом. Джейми поднял зубы, и я увидел, что они сделаны из дерева и держатся на тонкой, почти незаметной скрепке.

– Вы не ушиблись, сэй? – спросил Джейми.

Старик, кряхтя, поднялся на ноги, взял свои зубы и вставил на место.

– Я-то в порядке, но этот гроб на колесах опять сошел с рельсов. Все, с меня хватит. Наездился я в Дебарии, пора на покой. Я, между прочим, женатый человек. Жена моя – та еще старая ведьма. Я, знаете ли, собираюсь ее пережить. А вам, юноши, надо бы посмотреть, как там лошадки. Будем надеяться, ноги не переломали.

Лошади были целы, но сильно встревожены. Они били копытами, беспокоились и явно стремились выбраться из вагона. Мы с Джейми опустили наклонный трап, вывели их и привязали к стяжке между вагонами. Они стояли, низко опустив головы и прижав уши, чтобы горячий ветер, дующий с запада, не задувал в них песок. Потом мы вернулись в пассажирский вагон, забрали свои револьверы и вышли наружу. К нам подошел машинист – широкоплечий, приземистый, кривоногий. Следом за ним появился старый слуга. Машинист указал вперед, на гребень горы.

– Вот там проходит прямая дорога в Дебарии. Указатели видите? За час доберетесь до этого женского приюта. Только вы туда не заходите и ни о чем не просите. Все равно не получите. – Он понизил голос. – Говорят, эти девицы едят мужчин. И это не в переносном смысле, ребята. *Они... едят... мужчин.*

Я бы скорее поверил в существование шкуроверта, чем в такой бред, но промолчал. Машинист явно был не в себе. Его, наверное, неслабо тряхнуло. И рука была красной, как у Джейми. Только у Джейми она была красной всегда – как будто ее окунули в кровь – и такой и останется до смертного часа, а у машиниста был просто легкий ожог: у него все заживет.

– Они будут вас звать к себе, обещать всякое-разное. Может, и сиськи покажут. Уж эти девицы прекрасно знают, что показать молодым парням, чтобы те взгляда не могли оторвать. Только вы не обращайтесь внимания. Не слушайте их обещаний и не смотрите на сиськи. Езжайте напрямик в город. От приюта – еще час пути, если верхом. Найдите рабочую бригаду. Нам нужны люди, чтобы поднять эту дуру и поставить обратно на путь. Рельсы-то целы, я проверял. Там просто заносы. Эта соляная пыль, будь она трижды неладна. У вас же, наверное, есть деньги, чтобы заплатить рабочим. Или, если вы вдруг умеете писать... да уж умеете наверняка, все благородные джентльмены умеют писать... можете дать им расписку. Этот, как его... виксиль. Или как там оно называется...

– У нас есть деньги, – заверил я. – Хватит, чтобы нанять небольшую бригаду.

Глаза машиниста широко раскрылись. Думаю, они раскрылись бы еще шире, если бы я сказал, что отец дал мне двадцать золотых «орлов», которые я спрятал в потайной карман, вшитый в рубашку с изнанки.

– И волов. Потому что нам будут нужны волы. Если они у них есть. Если нет, можно и лошадей.

– Мы посмотрим, что у них есть, – сказал я, садясь на коня. Джейми закрепил лук на одной стороне седла, потом перешел на другую сторону и опустил арбалет в кожаный чехол, притороченный к упряжи. Отец Джейми сам сделал этот чехол, специально для арбалета сына.

– Только не оставляйте нас здесь надолго, – попросил машинист. – У нас нет оружия и нет лошадей.

– Мы о вас не забудем, – ответил я. – Вы закройте внутри. Если сегодня у нас не получится найти рабочих, мы придем за вами повозку, чтобы вас забрали в город.

– Спасибо. И держитесь подальше от этих женщин! *Они... едят... мужчин!*

В тот день было жарко. Сперва мы пустили коней галопом, чтобы дать им размяться – ведь они больше суток простояли в тесных загонах, – а потом перешли на шаг.

– Ванней, – сказал Джейми.

– Что – Ванней? – не понял я.

– Перед тем как поезд сошел с рельсов, ты сказал, что твой отец не верит в шкуроверта, а Ванней верит.

– Он сказал, трудно было бы не поверить после того, как прочтешь все доклады шерифа Пиви. Помнишь, как он повторял нам буквально на каждом занятии: «Когда говорят факты, умные люди слушают». Двадцать три смерти – это очень серьезные факты, к которым стоит прислушаться. Этим людей не зарезали, не застрелили. Их разорвали на части.

Джейми хмыкнул.

– В двух случаях – целые семьи. Большие семьи, скорее, кланы. В домах все вверх дном, все залито кровью. От тел оторваны руки и ноги. Какие-то потом находились, наполовину обглоданные... Какие-то – нет. На одной ферме шериф Пиви и его помощник нашли голову мальчика, самого младшего из детей. Надетую на стойку забора. Череп пробит, мозги выскоблены.

– Свидетели есть?

– Даже несколько. Один пастух видел, как зверь набросился на его напарника. Сам он был на ближайшем холме. Пошел за овцами, отбившимися от стада. С ним были две собаки. Они бросились вниз, чтобы защитить второго хозяина, но их тоже разорвали в клочья. Тварь заметила пастуха на холме и направилась было к нему, но ее отвлекли овцы, и пастуху удалось убежать. Он говорил, это был волк, который передвигался на двух ногах, как человек. Потом была еще женщина, подруга какого-то игрока. Его поймали с крапленой колодой в одном из игорных домов. Обоим велели покинуть город до заката солнца, иначе грозили публичной поркой. Они как раз направлялись в поселок рядом с соляными копиями, и по дороге на них напал зверь. Мужчина пытался отбиться, и у женщины была возможность спастись. Она спряталась на склоне среди камней. Она говорила, что это был лев.

– На двух ногах?

– Если и так, она не стала задерживаться, чтобы его рассмотреть. И были еще двое гуртовщиков. Они остановились на ночлег на берегу речки Дебарии, а рядом с ними был лагерь молодоженов-Мэнни. Правда, гуртовщики узнали об этом, только когда слышали крики молодой пары. Тут же вскочили на лошадей, поехали туда. Успели увидеть, как убийца уносится прочь, держа в пасти оторванную ногу девушки. Он передвигался большими скачками. Это был не человек. Но гуртовщики утверждали, что он бежал на двух ногах.

Джейми сплюнул на землю.

– Так не бывает.

– Ванней говорит, что бывает. Говорит, что-то похожее было и раньше, правда, довольно давно. Он считает, что это какая-то особая мутация.

– И все эти свидетели видели разных животных?

– Да, гуртовщики описали его как тигра. У него были полосы.

– Львы и тигры бегают по округе на задних лапах, как дрессированные животные в бродячем цирке. При том, что в этих краях никаких львов и тигров сроду не водилось. Ты уверен, что нам не морочат голову?

Я был еще слишком молод, чтобы быть уверенным в чем бы то ни было, но одно я знал твердо: в такое тревожное время никто не станет посылать юных стрелков на запад – пусть и

не дальше Дебарии – исключительно ради шутки. Тем более что Стивен Дискейн шутником явно не был, даже в лучшие времена.

– Я лишь пересказываю, что сказал мне Ванней. Гуртовщики, которые привезли в город останки той юной пары Мэнни, даже *не слышали* о таком звере, как тигр. Но по их описаниям, именно тигр и получался. Вот тут все свидетельские показания. – Я достал из кармана два сложенных листа бумаги, которые дал мне Ванней. – Хочешь сам почитать?

– В чтении я не силен, как ты знаешь, – сказал Джейми.

– Ладно. Тогда поверь мне на слово. Их описание в точности совпадает с картинкой в одной книге сказок. К той части, где мальчик попал в стыловей.

– А что за сказка?

– Сказка про мальчика по имени Тим. «Ветер сквозь замочную скважину». Но это так, к слову. К делу не относится. Я понимаю, что гуртовщики наверняка были пьяны. Они всегда напиваются, когда проходят через города, где продают спиртное. Но если их показания правдивы, Ванней говорит, что это не просто оборотень, который меняет *облик*. Он меняет еще и *личины*. Превращается в разных зверей.

– Говоришь, двадцать три жертвы?

Поднялся ветер, погнал поземку соляной пыли. Лошади забеспокоились. Мы с Джейми подняли шейные платки, закрыли рты и носы.

– Жарко, – пробурчал Джейми. – Да еще эта проклятая пыль.

После этого он замолчал, как будто решив, что и так слишком разговорился. Меня это устраивало. Мне нужно было о многом подумать.

Так мы ехали около часа, потом поднялись на вершину холма и увидели внизу белую *гаси* размером с баронское поместье, с большим садом и виноградником, спускавшимся к маленькой узкой речке. Я сглотнул слюну. В последний раз я ел виноград, когда у меня еще волосы не росли под мышками.

Высокие толстые стены *гаси* были усыпаны битым стеклом, но ворота стояли распахнутыми, словно приглашая войти. Перед воротами – в кресле, похожем на трон – сидела женщина в белом муслиновом платье с капюшоном из белого шелка, сверкавшим на солнце, как крылья чайки. Когда мы подъехали ближе, я увидел, что кресло сделано из железного дерева. Впрочем, никакое другое кресло – разве что отлитое из металла – и не выдержало бы эту женщину. Это была самая крупная из всех женщин, которых я видел в жизни. Настоящая великанша, под стать легендарному Давиду Шустрому, некоронованному принцу воров.

На коленях женщина держала какое-то рукоделие. Похоже, она вязала одеяло или накидку, но рядом с ее великанским телом и могучими грудями, каждая из которых могла бы закрыть от солнца полугодовалого младенца, ее изделие казалось размером с носовой платок. Она заметила нас, отложила работу и встала. Росту в ней было шесть с половиной футов, если не больше. Здесь, в низине, ветер дул послабее, но белые одежды женщины все равно хлопали, как паруса. Тонкие юбки прижались к телу, обрисовав крепкие стройные бедра. Мне вспомнились слова машиниста: *Эти женщины едят мужчин*. Но когда великанша поднесла одну руку ко лбу, а другой приподняла юбку, приседая в глубоком реверансе, я все равно натянул поводья и остановил коня.

– Хайл, стрелки, – сказала она. У нее был низкий раскатистый голос, почти что мужской баритон, но мягче и женственнее. – От имени Ясной обители и женщин, нашедших приют в этих стенах, я приветствую вас. Пусть ваши дни на земле будут долгими.

Мы тоже поднесли ко лбу кулаки и пожелали ей того же вдвойне.

– Вы приехали из Внутреннего мира? Да, наверное. Таких неиспорченных юношей в здешних краях и не водится. Хотя вас тут быстро научат плохому. Если задержитесь больше чем на день. – Она рассмеялась. Как будто гром прогремел вдалеке.

– Мы задержимся, да, – ответил я.

Я уже понял, что Джейми не скажет ни слова. Он всегда был молчуном, а теперь и вовсе язык проглотил, так его потрясла эта встреча. Тень великанши лежала на белой стене – огромная, как сам лорд Перт.

– За шкуровертом приехали?

– Да, – подтвердил я. – Вы сами его видели, этого человека, или только слышали о нем от других? Если только слышали, то мы скажем спасибо и поедем своей дорогой.

– Это не человек.

Я не знал что ответить и только молча смотрел на женщину. Ее голова была почти вровень с моей, хотя она стояла на земле, а я сидел верхом на коне.

– Это *чудовище*, – пояснила она. – Тварь из Глубоких расселин. Это уж наверняка. Так же верно, как и то, что вы двое служите Эльду и Белизне. Быть может, когда-то он был человеком. Но теперь – нет. Да, я его видела. И я видела, что он творит. Подождите минутку, не уезжайте, и вы тоже увидите.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и вошла в распахнутые ворота. В своем белом муслиновом платье она была словно парусник, подгоняемый ветром. Я взглянул на Джейми. Тот пожал плечами и кивнул. В конце концов, затем мы сюда и приехали, чтобы разобраться с оборотнем, а машинист подождет помощи чуть подольше, только и всего.

– ЭЛЛЕН! – крикнула великанша. На полной громкости ее голос звучал так, словно она кричала в мегафон. – КЛЕММА! БРИАННА! НЕСИТЕ СЮДА УГОЩЕНИЕ! МЯСО, ХЛЕБ, ЭЛЬ – ТОЛЬКО СВЕТЛЫЙ, НЕ ТЕМНЫЙ! НЕСИТЕ СТОЛ! СТУЛЬЯ! И СКАТЕРТЬ! СКАТЕРТЬ НЕ ЗАБУДЬТЕ! ПОЗОВИТЕ ФОРТУНУ! ПУСТЬ СЕЙЧАС ЖЕ ИДЕТ СЮДА! И ДАВАЙТЕ БЫСТРЕЕ!

Отдав приказания, она вернулась к нам, приподнимая подол белоснежного платья, чтобы не испачкать его в соляной пыли, овевавшей ее черные туфли-лодочки какого-то совершенно невообразимого размера.

– Леди-сэй, мы вам искренне благодарны за предложенное гостеприимство, но нам действительно нужно...

– Что вам нужно, так это поесть, – перебила она меня. – Мы накроем стол здесь, у дороги, чтобы у вас не пропал аппетит и не расстроилось пищеварение. Я знаю, что говорят о нас в Гилеаде. Мы все это знаем. Мужчины так говорят обо всех независимых женщинах, умеющих обходиться своими силами. Потому что мужчинам не нравится сомневаться в силе и ценности своих молоточков.

– Мы ничего такого не слышали...

Она рассмеялась, и ее грудь заколыхалась, как море.

– Ты очень вежливый и обходительный юный стрелок, но старую тетку не проведешь. Не бойтесь, мы вас не съедим. – В ее глазах, таких же черных, как туфли, зажегся озорной огонек. – Хотя вы, наверное, вкусные. Я Эверлина из Ясной обители. Мать-настоятельница, милостью Господа и Человека Иисуса.

– Роланд из Гилеада, – представился я. – А это Джейми, тоже из Гилеада.

Джейми поклонился в седле.

Она снова сделала реверанс и на этот раз склонила голову так низко, что края шелкового капюшона на миг сомкнулись у нее перед лицом, словно белые занавески. Потом она выпрямилась и обернулась к воротам, откуда как раз выходила миниатюрная женщина. Хотя, может быть, она была нормального роста. Может быть, она просто казалась крошечной рядом с Эверлиной. На ней было серое платье из грубого хлопка. Руки скрещены на груди, кисти спрятаны в рукавах. Капюшона она не носила, но мы все равно видели лишь половину ее лица. Вторую половину скрывал толстый слой бинтов. Женщина сделала нам реверанс, а потом съехала и отступила назад, словно пытаясь спрятаться за широкой спиной настоятельницы.

– Подними голову, Фортуна, и поздоровайся с этими юными джентльменами как положено.

Она подняла голову, и я понял, почему она не хотела этого делать. Бинты скрывали ее нос не полностью, и было видно, что от правой его половины почти ничего не осталось. На месте ноздри зияла красная дыра.

– Хайл, – прошептала Фортуна. – Пусть ваши дни на земле будут долгими.

– А твои пусть будут дольше вдвойне, – сказал Джейми.

Судя по скорбному взгляду девушки, она очень надеялась, что его пожелание не сбудется.

– Расскажи им, что произошло, – велела Эверлина. – Расскажи все, что помнишь.

– Это обязательно, матушка?

– Да. Им надо знать. Они приехали для того, чтобы с этим покончить.

Фортуна с сомнением посмотрела на нас, потом опять обратилась к своей настоятельнойнице:

– А они смогут? Они с виду такие *юные*.

Потом она сообразила, как это было невежливо, и ее щека, не скрытая под бинтами, залилась густой краской. Девушка вдруг пошатнулась, и Эверлина приобняла ее за плечи. Было сразу понятно, что Фортуна получила серьезные травмы, от которых оправится еще не скоро. Думаю, больше всего пострадало лицо, хотя на теле могли быть и другие раны, спрятанные под широким плотным одеянием, скрывавшим фигуру от шеи до пят.

Девушка рассказала нам все, что помнила. Пока она говорила, из ворот вышли другие сестры Ясной обители. Вынесли стол и стулья, еду и напитки. Кушанья были явно получше тех, что нам подавали в поезде, – и пахли вкуснее, и смотрелись значительно аппетитнее, – однако к тому времени, когда Фортуна закончила свой короткий, но страшный рассказ, у меня напрочь пропал аппетит. И у Джейми, наверное, тоже, если судить по его лицу.

* * *

Это случилось две недели назад. Уже смеркалось, Фортуна и еще одна из сестер, Долорес, вышли, чтобы набрать воды из колодца и закрыть ворота на ночь. Фортуна несла ведро – и поэтому осталась в живых. Когда Долорес закрывала ворота, снаружи из темноты выпрыгнуло чудовище, схватило девушку и откусило ей голову. Фортуна сказала, что разглядела чудовище очень хорошо, потому что на небе стояла полная Мешочная луна. Это был зверь, но стоявший на двух ногах. Ростом выше человека, покрытый чешуей, с длинным хвостом, волочившимся по земле. Плоская голова. Желтые глаза с вертикальными черными зрачками. Длинные челюсти, острые зубы, каждый – длиной с кисть руки взрослого человека. Зубы, испачканные в крови несчастной Долорес. Чудовище бросило обезглавленное тело на землю и побежало, переваливаясь на коротких толстых ногах, к колодцу, где стояла Фортуна.

– Я бросилась бежать... Оно схватило меня... И больше я ничего не помню.

– Я помню, – сурово проговорила Эверлина. – Я услышала крики и выбежала во двор с ружьем. У нас есть ружье, дробовик. С длинным стволом и раструбом на конце. В последний раз его заряжали еще в незапамятные времена, и никому из нас не доводилось из него стрелять. Я даже не знала, как он себя поведет. Он вполне мог взорваться у меня в руках. Но я увидела, как это чудовище терзает зубами лицо Фортуны. И увидела еще кое-что. И вот тогда выстрелила не задумываясь. Мне даже не пришло в голову, что я могу промахнуться и попасть не в чудовище, а в Фортуну. Я могла ее убить.

– Лучше бы так и случилось, – прошептала Фортуна. – Лучше бы ты убила меня.

Она села на стул у принесенного сестрами стола и разрыдалась, закрыв руками лицо.

– Не надо так говорить, – сказала Эверлина и погладила девушку по волосам, с той стороны головы, которую не закрывали бинты. – Так нельзя говорить. Это богохульство.

– Вы попали в это чудовище? – спросил я.

– Да, задела слегка. Одна дробинка, а может, и несколько попали ему в голову, сорвали пару чешуйчатых шишек. Из-под них потекло что-то черное и густое, как деготь. Мы потом нашли пятна на мостовой и сразу засыпали их песком. Даже не трогали. Кто знает, а вдруг они ядовитые, и яд проникает сквозь кожу. Чудовище отшвырнуло Фортуна, и мне показалось, что оно сейчас набросится на меня. Я держала его на прицеле, хотя это ружье может выстрелить только раз, а потом его надо опять заряжать порохом и дробью. Я сказала чудовищу, чтобы оно подошло поближе. Сказала, что подожду, пока оно не подойдет совсем близко, чтобы дробь не рассеялась. – Она отвернулась в сторону и сплюнула в пыль. – Наверное, у него все же есть разум. Даже в зверином облике. Потому что оно услышало меня, поняло и убежало. Но прежде чем выскочить из ворот, оно обернулось и посмотрело прямо на меня. Словно хотело запомнить. Ну и пусть его. Я не боюсь. Дроби у меня больше нет и не будет, разве что у кого-нибудь из торговцев найдется запас. Но у меня есть вот что.

Она приподняла юбку до колена, и мы увидели огромный мясницкий нож в ножнах из сыромятной кожи, прикрепленных к ноге.

– Так что пусть он приходит за Эверлиной, дочерью Розанны.

– Вы говорили, что видели что-то еще, – сказал я.

Эверлина внимательно посмотрела на меня, потом повернулась к женщинам:

– Клемма, Бриана, накрывайте на стол. А ты, Фортуна, молись. И не забудь испросить у Господа прощения за свое богохульство. И поблагодари Его за то, что твое сердце все еще бьется в груди.

Эверлина схватила меня за локоть и провела через ворота на территорию обители – к колодцу, у которого бедняжка Фортуна чуть не распрощалась с жизнью. Здесь мы были одни, и никто не мог нас подслушать.

– Я видела его член. – Эверлина понизила голос. – Длинный и загнутый, как кривая сабля. Он был огромный и напряженный, налитый черной кровью... или что там у него вместо крови в *этом* обличье. Он собирался убить ее, да. Как Долорес. Но еще он собирался ее изнасиловать. Причем именно в таком порядке: сначала убить, а потом изнасиловать.

Мы с Джейми отобедали в компании сестер из Ясной обители – даже Фортуна чуть-чуть поела, – потом сели на лошадей и уже собрались ехать в город, но тут ко мне подошла Эверлина.

– Когда закончите со своими делами, на обратном пути загляни ко мне. У меня для тебя кое-что есть, – сказала она.

– Что именно, сэй?

Она покачала головой:

– Всею свое время. Но когда вы разделаетесь с этой тварью, приезжай сюда. – Она взяла мою руку, поднесла к губам и поцеловала. – Я знаю, кто ты, ибо жизнь твоей матери продолжается в облике сына. Я буду ждать тебя, Роланд, сын Габриэль. Приезжай непременно.

Я не успел ничего ответить. Эверлина отступила и скрылась в воротах обители.

Главная улица Дебарии оказалась довольно широкой и даже вымощенной каменными плитами, хотя во многих местах мостовая раскрошилась, и из-под нее проглядывал утрамбованный грунт. Торговые лавки работали. Судя по звукам, доносившимся из салунов, питейные заведения в городе процветали. А вот лошадей и мулов там было мало, раз-два и обчелся. Мы заметили лишь нескольких, стоявших у коновязи на улице. В тех краях скот держали ради торговли и ради мяса, а не для того чтобы ездить верхом.

Женщина, вышедшая из лавки с корзинкой в руках, увидела нас и уставилась во все глаза. Потом метнулась обратно, и наружу вышли еще несколько человек. К тому времени, когда мы добрались до конторы старшего шерифа – маленькой деревянной пристройки рядом с

большим каменным зданием городской тюрьмы, – зеваки выстроились двумя рядами по обеим сторонам улицы.

– Убивать шкуроверта приехали?! – крикнула дама с корзинкой.

– Да куда им, зеленым? Эти мальцы графин водки и тот не прибьют! – крикнул в ответ мужчина, стоявший перед входом в салун «Развеселые парни». Раздался дружный смех. Шутку одобрили.

– А городок-то вполне оживленный, – заметил Джейми, слезая с коня. Он оглянулся на небольшую толпу из сорока или даже пятидесяти горожан и горожанок, отложивших свои дела (и свои развлечения), чтобы поглазеть на нас.

– Когда стемнеет, все будет иначе, – ответил я. – Оборотни охотятся по ночам. То есть так говорит Ванней.

Мы вошли в контору, где нас встретил старший шериф Хью Пиви, оказавшийся крупным мужчиной с большим выпирающим животом, длинными белыми волосами и обвисшими усами. Лицо – в глубоких морщинах, сосредоточенное, измученное многочисленными заботами. Он увидел наши револьверы и вздохнул с облегчением. Потом увидел наши юные безбородые лица и снова нахмурился. Вытер чернила с кончика перьевой ручки, которой писал, когда мы вошли, поднялся из-за стола и протянул руку для рукопожатия. Никаких официальных поклонов, никаких кулаков, поднесенных ко лбу.

Когда мы представились, он сказал:

– Не хочу вас обидеть, юные джентльмены, ни в коем случае не умаляю ваших достоинств, но я надеялся, что приедет сам Стивен Дискейн. И может быть, Питер Маквриес.

– Маквриес умер три года назад, – сказал я.

Пиви потрясенно уставился на меня.

– Как же так – умер? Такой был стрелок... Просто отменный стрелок.

– Умер от лихорадки. – Я не стал уточнять, что лихорадка скорее всего была вызвана ядом. Старшему шерифу Дебарии на границе Внешнего мира вовсе не обязательно это знать. – А Стивен занят другими делами и потому прислал меня. Я его сын.

– Да-да, мы тут наслышаны о тебе и твоих подвигах в Меджисе. Новости сюда доходят. У нас есть телеграф и даже телефон. – Он указал на аппарат, висевший на стене. Под ним была прибитая табличка: «БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ТРОГАТЬ!» – Раньше связь была и с Гилеадом. Но теперь – только с Салливудом на юге, с Джефферсоном на севере и с деревней в предгорье. Называется Малая Дебария. У нас даже есть несколько уличных фонарей, которые работают до сих пор. И лампы в них не керосиновые и не газовые, а настоящие искровые. Горожане уверены, что их свет отпугивает эту тварь. – Шериф Пиви тяжело вздохнул. – А вот я не уверен. Нехорошо это все, юные джентльмены. Очень плохо. Иногда у меня возникает такое чувство, будто мир еле держится на разболтавшихся креплениях. Будто он уже начал разваливаться.

– Так и есть, – сказал я. – Но если крепления разболтались, шериф, их можно опять закрепить.

– Да, пожалуй. – Он кашлянул, прочищая горло. – А теперь... не считите за неуважение, юные джентльмены, я знаю, что вы – это именно вы... но мне был обещан сигул. Если вы привезли сигул, я его заберу. Он для меня много значит.

Я открыл сумку и достал маленькую деревянную шкатулку с оттиском личной печати отца на крышке: буква «С» внутри буквы «Д». Пиви взял у меня шкатулку, и уголки его рта под усами чуть приподнялись в почти незаметной улыбке. Мне показалось, что это была улыбка узнавания, и она убавила шерифу сразу несколько лет.

– Ты знаешь, что там внутри?

– Нет. – Меня не просили смотреть.

Пиви открыл шкатулку, заглянул внутрь, затем поднял глаза на меня и Джейми.

– Когда я был еще только помощником шерифа, Стивен Дискейн собрал отряд – там был я, и тогдашний шериф, и еще семь человек – и повел нас брать банду Ворона. Отец не рассказывал тебе о Воронах?

Я покачал головой.

– Это, конечно, не шкуроверт, но потрудиться все равно пришлось. Вороны промышляли грабежом, и не только в Дебарии, но и по всем окрестным фермам. Грабили и поезда, если там было что грабить. Но в основном похищали людей ради выкупа. Преступление, подходящее для трусливых мерзавцев – я слышал, Фарсон имеет склонность к таким делам, – зато приносит хорошие барыши.

Они похитили жену фермера, Белинду Долин. Твой отец прибыл в город уже на следующий день. Ее муж позвонил по телефону, как только бандиты ушли. Его связали, но он сумел освободиться. Вороны не знали про телефон, это их и сгубило. Конечно, нам повезло, что поблизости оказался стрелок, объезжавший дозором здешние края. В те времена стрелки всегда появлялись там, где они были нужны. И когда были нужны.

Он посмотрел на нас с Джейми.

– Может, оно и по-прежнему так. Как бы то ни было, мы прибыли на ферму, где побывали бандиты, что называется, по горячим следам. Будь мы одни, точно потеряли бы след... тут дальше к северу – сплошной твердый грунт... но у твоего отца зоркий глаз. Ты не поверишь! Как у ястреба, как у орла!

Я знал про острое зрение отца и про его мастерство следопыта. Также я знал, что эта история скорее всего не имеет отношения к нашему делу. Наверное, мне надо было сказать шерифу, чтобы он не отвлекался и говорил по существу. Но отец никогда не рассказывал о своей юности, и мне хотелось послушать. *Очень* хотелось. И, как потом оказалось, эта история все же имела касательство к нашему делу в Дебарии.

– Следы вели в направлении соляных копей. Местные называют их соляным домом. Шахты в то время стояли заброшенными. Это было еще до того, как обнаружили новую залежь. Двадцать лет тому назад.

– Залежь? – не понял Джейми.

– Месторождение, – пояснил я. – Он имеет в виду новое месторождение.

– Да, все верно. Но тогда шахты стояли заброшенными, и там скрывалось всякое отребье типа этих Воронов. След вел по равнинам, потом уходил в горы, к Нижним луговинам. Это такие луга в предгорье, под соляным домом. Именно на луговинах и был убит тот пастух. На него напал зверь, похожий...

– Похожий на волка, – перебил я шерифа. – Это мы знаем. Давайте дальше.

– Вы, я смотрю, хорошо информированы. Оно и правильно, так и надо. На чем я там остановился? А, да... следы вели к скоплению скал, которое теперь называют Кровавым ручьем. Вообще-то там нет никакого ручья, но вот кто-то назвал – так с тех пор и пошло. Следы вели прямо туда, но Дискейн решил сделать крюк и зайти с востока. Со стороны Верхних луговин. Тогдашний шериф, Пи Андерсон, был против. Возбужденный, как птица, приметившая червяка, он хотел сделать все быстро. Ему не терпелось скорее покончить со всем этим делом. Сказал, путь в обход займет трое суток, не меньше, и к тому времени женщина будет уже мертва, а самих Воронов и след простынет. Сказал, что пойдет напрямик. Пойдет один, если его никто не поддержит. «Разве что ты прикажешь мне именем Гилеада, и тогда мне придется тебе подчиниться», – говорит он твоему отцу. «Приказывать я ничего не буду, – отвечает Дискейн. – Дебария – это твоя ответственность, а у меня есть своя».

Все наши решили идти с шерифом. А я остался с твоим отцом. Шериф Андерсон повернулся ко мне в седле и сказал: «Надеюсь, на фермах еще нанимают работников, Хью, потому что, когда мы вернемся, ты положишь на стол свой шерифский значок. Больше ты у меня не работаешь».

Это были последние слова, которые я от него услышал. Когда наши уехали, Стивен из Гилеада спешился, присел на корточки и как будто о чем-то задумался. Я присел рядом с ним. Так, в полном молчании, прошло полчаса, может, больше. Наконец я не выдержал и сказал: «Мы вроде бы собирались идти в обход... или ты тоже меня увольняешь?» «Нет, помощник шерифа, – ответил он. – Это не мое дело – тебя увольнять». – «Тогда чего мы ждем?» – «Когда начнется стрельба».

Не прошло и пяти минут, как мы слышали грохот выстрелов. И крики. Продолжалось все это недолго. Вороны знали, что мы их преследуем. Может быть, их внимание привлек солнечный блик на пряжке кого-то из наших. Или на металлической отделке седла. А Папа Ворон был далеко не дурак. В общем, они устроили нам засаду. Укрылись в тех скалах и расстреляли всех наших, Андерсона и ребят. В те времена огнестрельного оружия было больше, и Вороны вооружились неслабо. У них даже был скорострел. Может, и не один.

Ну а мы, как собирались, пошли в обход. Уложились в два дня, потому что Стивен Дискейн очень спешил. На третий день мы заночевали на склоне и проснулись еще до рассвета. Вы, наверное, не знаете... да и откуда вам знать... что соляные дома – это просто пещеры в скалах. Они оборудованы под жилье. Там жили и сами рабочие, и все их семьи. Ходы к залежам соли начинаются прямо в пещерах – и ведут в толщу скал. Как я уже говорил, в те времена копи были заброшены. Но мы увидели дым, идущий из вентиляционного отверстия над одной из пещер. С тем же успехом там мог бы стоять шатер бродячего цирка с зазывалой у входа, мол, вот они мы, заходите, люди добрые.

«Вот сейчас и пойдем, – сказал Стивен. – Они были уверены, что им ничего не грозит, и наверняка пили, не просыхая, все эти два дня. И вчера вечером тоже. А сейчас отсыплются после пьянки. Ты со мной?» «Да, стрелок. Я с тобой», – ответил я.

Произнося эти слова, Пиви безотчетно расправил плечи. Он и вправду помолодел.

– Мы подкрались к пещере, – продолжил он свой рассказ. – Последние полсотни ярдов – чуть ли не ползком. Твой отец держал револьвер наготове. На случай если бандиты поставили часового. Они и поставили, да. Сопливого мальчишку, который дрых на посту. Дискейн ударил его камнем по голове. Потом я видел этого сопляка на городской площади. Он стоял под виселицей с петлей на шее, штаны в дерьме, сам весь в слезах. Ему было всего четырнадцать, однако он не пропустил своей очереди, когда бандиты глумились над сэй Долин – над похищенной женщиной, которая ему в бабки годилась. Так что я не проронил ни слезинки, когда веревка затянулась на его шее. За соль надо платить, как говорят в здешних краях.

Стрелок пробрался в пещеру первым, я – следом за ним. Бандиты лежали вповалку и храпели, как псы. Да это и были не люди, а *псы*. Белинда Долин стояла привязанной к столбу. Она увидела нас, и ее глаза широко распахнулись. Стивен Дискейн указал пальцем сначала на нее, потом на себя, сложил ладони перед собой и еще раз указал на Белинду. Этот знак означал: *Ты в безопасности*. Она поняла и кивнула. Я никогда не забуду, с какой благодарностью она посмотрела на твоего отца. *Ты в безопасности* – это слова из того мира, в котором мы выросли. И от которого теперь почти ничего не осталось.

А потом Стивен Дискейн говорит: «Просыпайся, Аллан Ворон. Просыпайся, если не хочешь прийти на пустошь в конце тропы с закрытыми глазами. Просыпайтесь, вы все».

И они проснулись. Он не собирался брать их живыми – это, как вы наверняка понимаете, было бы форменное безумие, – но не стал бы убивать спящими. Однако проснулись они ненадолго. Стивен вытащил револьверы. Молниеносно. Я даже не уловил никакого движения. Вот он просто стоит, а вот уже держит в обеих руках револьверы... такие большие, с рукоятками из сандалового дерева... и стреляет с двух рук. В этом замкнутом пространстве выстрелы грохотали, как гром. Я тоже вытащил свой старенький револьвер, доставшийся мне от деда, и уложил двоих бандитов. Прежде мне не доводилось стрелять в людей. Это был мой первый раз. К сожалению, далеко не последний.

Не прошло и минуты, как из всей банды в живых остался лишь сам Папа Ворон... Аллан Ворон. Он был уже старый, весь скрюченный, и половина лица у него была парализована после инсульта или чего-то такого, но он, старый бес, все равно среагировал мгновенно. Спал полураздетый, в одном исподнем, а его пистолет был засунут в сапог под койкой. Папа Ворон схватил пистолет и обернулся к нам. Стивен его застрелил, но старый мерзавец успел сделать несколько выстрелов. Он промахнулся, но...

Пиви, который в те времена, о каких шел рассказ, был не старше нас с Джейми, открыл шкатулку, на мгновение о чем-то задумался, глядя на то, что лежало внутри, потом поднял глаза на меня. В уголках его рта, спрятанная под усами, притаилась все та же улыбка узнавания.

– Ты видел шрам на руке у отца, Роланд? Вот здесь. – Он прикоснулся к своей руке чуть выше сгиба локтя.

Тело отца было размечено шрамами, словно карта – значками, и я хорошо знал эту карту. Шрам над внутренним сгибом локтя представлял собой глубокую ямку, чем-то похожую на ямочки в уголках рта шерифа Пиви, не совсем скрытые усами, когда он улыбался.

– Последняя пуля Ворона срикошетила от стены над столбом, к которому была привязана Белинда Долин.

Шериф Пиви повернул шкатулку так, чтобы мне было видно, что лежит внутри. Там была пуля. Большая, крупного калибра.

– Я ее выковырял из руки твоего отца. Охотничьим ножом. Отдал ему. Он сказал мне спасибо. И еще он сказал, что когда-нибудь вернет ее мне. И вот она у меня. Ка – колесо, сэй Дискейн.

– Вы кому-то рассказывали эту историю? – спросил я. – Я об этом впервые слышу.

– О том, что я достал пулю из плоти истинного потомка Артура? Эльда Эльдского? Никому не рассказывал. До сего дня – никому. Да и кто бы поверил?

– Я верю, – сказал я. – И благодарю вас от всего сердца. У него могло быть заражение.

– Это вряд ли, – усмехнулся Пиви. – Только не у него. Кровь Эльда крепка, ее не отравишь так просто. И если бы меня там убили... или если бы мне не хватило духу... он бы сам вынул пулю. А когда мы вернулись в город, Стивен Дискейн представил все так, будто ликвидация банды Ворона – это по большей части моя заслуга, и меня выбрали старшим шерифом. Вот с тех пор и шерифствую. Но скоро уйду на покой. Этот шкуроверт меня доконает. Я видел достаточно крови и терпеть не могу всякие тайны.

– Кто займет твое место? – спросил я.

Похоже, вопрос удивил шерифа.

– Наверное, никто. Копи уже истощаются, через пару лет снова закроются. На этот раз – навсегда. И железная дорога продержится немногим дольше. Так что скоро Дебарии придет конец. А ведь еще во времена наших дедов это был славный маленький городок. Тот курятник, святая обитель, которую вы, думается, проезжали по дороге сюда, – вот она, может, и устоит. А все остальное пойдет прахом.

– А до тех пор? – спросил Джейми, явно встревоженный.

– Пусть фермеры, наемные работники, шлюхи с их сутенерами и игроки отправляются в ад своей собственной дорогой. Не моя это забота. Во всяком случае, скоро уж точно будет не моя. Но я не могу уйти на покой, пока не будет закончено дело со шкуровертом. Так или иначе, но его надо закончить.

– Этот шкуроверт напал на одну из сестер Ясной обители, – сказал я. – Изуродовал ей все лицо.

– Вы там были, как я понимаю?

– Женщины напуганы. – Я вспомнил мясницкий нож, прикрепленный к ноге толщиной со ствол молодой березы. – Все, кроме матери-настоятельницы.

Шериф хохотнул.

– Да, Эверлина – она такая. Самому дьяволу в рожу плюнет. А если он заберет ее к себе в Нис, и месяца, думается, не пройдет, как она будет всем заправлять в царстве мертвых.

– У вас есть какие-то догадки, кем может быть шкуроверт, когда он в человеческом облике? – спросил я. – Если есть, скажите. Все же Дебария – это ваша ответственность, как сказал мой отец шерифу Андерсону.

– Имени я вам назвать не смогу, если ты об этом. Но может, чем-то и подсоблю. Идите за мной.

Он провел нас через арку в здание городской тюрьмы, сооруженное в форме буквы «Т». Я насчитал восемь больших общих камер, расположенных вдоль центрального прохода, и дюжину маленьких, одиночных, на поперечной перекладине. Все они пустовали. Все, кроме «одиночки», в которой на соломенном тюфяке храпел какой-то пьянчуга. Дверь в его камеру была открыта.

– Когда-то все эти камеры бывали набиты битком по пятничным и субботним вечерам, – сказал Пиви. – Пьяные гуртовщики и работники с ферм, все они тут отдыхали. А теперь ночью никто не гуляет. Все сидят дома, по своим ночлежкам. Даже по пятницам и субботам. Никто не хочет встретиться со шкуровертом, возвращаясь домой после пьянки.

– А рабочие с соляных копей? – спросил Джейми. – Они тоже здесь отдыхают?

– Бывает, да. Но нечасто. У них там свои заведения, в Малой Дебарии. Аж два салуна. Злачные, надо сказать, места. Когда здешние шлюхи из «Развеселых парней», «Пышки» или «Невезухи» становятся староваты, чтобы привлечь клиентуру... или насквозь прогнивают от всяких болезней... в общем, они перебираются в Малую Дебарию. А солянщики надерутся своей «Белой жути», и им вроде как все равно, есть нос у шлюхи или нет – главное, чтобы у нее было то самое.

– Мило, – пробормотал Джейми.

Пиви открыл одну из больших камер:

– Заходите, ребята. Бумаги у меня нет. Однако есть мел, а тут – хорошая ровная стена. И здесь нас никто не услышит. Разве что Соленый Сэм вдруг проснется. Но обычно он спит до заката.

Шериф достал из кармана довольно большой кусок мела и нарисовал на стене длинный прямоугольник с зазубринами на верхней стороне. Они были похожи на ряд перевернутых «V».

– Это у нас Дебария, – пояснил Пиви. – А это железная дорога. По ней вы приехали. – Он провел две длинные линии и быстро перечеркнул их короткими палочками. А я вспомнил о машинисте и старом буфетчике, который прислуживал нам в вагоне.

– Наш поезд сошел с рельсов, – сказал я. – Сможете отправить туда рабочих, чтобы его поднять? У нас есть деньги. И мы с Джейми тоже не будем сидеть сложа руки.

– Не сегодня, – рассеянно отозвался Пиви. Он изучал свою карту. – Машинист остался там, у поезда?

– Да. Там машинист и еще один человек.

– Пошлю за ними повозку. Поручу это Келлину и Викке Фраям. Келлин – мой лучший помощник... есть еще двое, но от них толку мало... а Викка – его сын. Они заберут ваших людей и привезут в город до темноты. Время есть. Сейчас лето, дни длинные. А вы пока посмотрите сюда, ребята. Это железная дорога, а это Ясная обитель, где была изувечена та бедная девочка, о которой вы говорили. Как раз у Большого проезжего тракта. – Пиви изобразил Ясную обитель в виде маленького квадрата и вписал в него крестик. К северу от обители, ближе к зазубринам наверху карты, он поставил еще один крестик. – А здесь был убит Йон Карри, пастух.

Слева от этого второго крестика, почти на том же уровне – сразу под зазубринами наверху, – Пиви нарисовал третий крестик.

– Ферма Алоры. Семеро убитых.

Четвертый крестик – еще дальше влево и чуть повыше.

– Ферма Тимберсмита на Верхних луговинах. Убито девять человек. Это там мы нашли голову мальчика, надетую на стойку забора. Там были следы.

– Волчьи? – спросил я.

Шериф покачал головой:

– Нет, похожие на следы большой кошки. Сначала. Потом они изменились. Сперва превратились в отпечатки копыт. А потом... – Пиви мрачно взглянул на нас. – В человеческие следы. Сначала – большие, как у великана. Но с каждым шагом они становились все меньше и меньше и в конце концов стали обычных размеров. Как бы там ни было, мы потеряли их, как только вышли на сланец. Твой отец, может, не потерял бы. Но его с нами не было.

Он продолжал размечать карту, а когда закончил, отступил в сторону, чтобы нам было лучше видно.

– Мне всегда говорили, что стрелков отличает не только твердая рука, но и умная голова. Ну и что вы на это скажете?

Джейми шагнул вперед между рядами соломенных тюфяков (эта камера явно была рассчитана на немалое число «постояльцев», которых сюда приводили, возможно, в изрядном подпитии) и провел пальцем по зазубринам наверху карты, слегка смазав белую линию.

– Соляные дома располагаются вдоль всего подножия гор?

– Да. Соляные горы, так они и называются.

– А где Малая Дебария?

Пиви нарисовал еще один квадратик, обозначавший поселение солянщиков. Совсем рядом с крестиком, которым было отмечено место, где чудовище напало на нечестного игрока и его женщину... ведь они как раз и направлялись в Малую Дебарию.

Еще пару минут Джейми внимательно изучал карту, потом кивнул и сказал:

– Похоже, что шкуроверт – кто-то из солянщиков. Вы тоже так думаете?

– Да. Кто-то из солянщиков. Хотя среди них тоже есть пострадавшие. Однако это имеет смысл – насколько вообще что-то может иметь хоть какой-то смысл в таком совершенно безумном деле. Новая залежь располагается глубже, чем старые, а всем известно, что глубоко в недрах земли водятся демоны. Может быть, кто-то из солянщиков случайно наткнулся на демона, разбудил его и, сам того не желая, натворил дел.

– И еще в недрах земли сохранились машины и всякие штуки, оставшиеся от Великих древних, – заметил я. – Среди них есть вполне безобидные, но есть и опасные. Может, какой-то из этих древних... как они называются, Джейми?

– Артефакты, – подсказал он.

– Да, вот они. Может быть, это все из-за них. Может быть, этот парень нам все расскажет. Если получится взять его живым.

– Это вряд ли, – проворчал Пиви.

Но лично я думал, что шанс у нас есть. Если мы сможем вычислить шкуроверта и прийти за ним днем.

– А сколько всего человек работает на соляных коях? – спросил я.

– Не так много, как в прежние времена. Потому что сейчас в разработке всего одна залежь. Я бы сказал, человек... двести, не больше.

Мы с Джейми переглянулись, и я заметил в его глазах искорку смеха.

– Плевое дело, Роланд, – сказал он. – Мы успеем их всех допросить как раз к празднику Жатвы. Если поторопимся.

Насчет праздника Жатвы – это было, конечно, преувеличение, но мне все равно стало невесело. При таком положении дел нам пришлось бы задержаться в Дебарии как минимум на две-три недели. И потом, где гарантия, что мы сможем вычислить шкуроверта, даже если

он будет сидеть перед нами во время допроса? Может, он мастерски нам солжет, а может, ему просто нечего будет скрывать, потому что он даже не подозревает о том, во что превращается по ночам и что творит в этом ночном обличье. Я пожалел, что со мной нет Катберта, который умел видеть скрытые связи между вещами, на первый взгляд совершенно не связанными между собой; и что со мной нет Алена, наделенного даром «прикосновения» к чужому сознанию. Впрочем, и Джейми был вовсе не плох. В конце концов, именно он разглядел то, что я должен был разглядеть сам, ведь оно было прямо у меня перед носом. В одном я был полностью солидарен с шерифом Хью Пиви: я тоже терпеть не мог тайн и загадок. И не терплю до сих пор, в этом я не изменился, хотя и прошло столько лет. Я не умею разгадывать тайны. И никогда не умел; у меня ум по-другому устроен.

Когда мы вернулись обратно в контору шерифа, я сказал:

– Я должен задать вам три вопроса, шериф. Первый вопрос: будете ли вы так же открыты с нами, как мы – с вами? Второй вопрос...

– Второй вопрос: видите ли вы в нас тех, кто мы есть, и принимаете ли то, что мы делаем? И третий: просите ли вы у нас помощи и защиты? Шериф Пиви отвечает на все: да, да, да, а теперь, ребята, ради всего святого, переключайте мозги на работу, потому что прошло две недели с тех пор, как эта тварь объявлялась у Ясной обители, и в тот раз ей не дали наесться, а это значит, что шкуроверт скоро снова пойдет на охоту.

– Он охотится только ночью, – сказал Джейми. – Вы в этом уверены?

– Я уверен.

– А его нападения как-то связаны с фазами луны? – спросил я. – Потому что советник моего отца... и наш бывший учитель... он говорит, что в древних легендах...

– Я знаю легенды, сэй, но в данном случае они не правы. В том, что касается этого конкретного существа. Иногда оно нападает в полнолуние. В Ясной обители оно появилось при полной Мешочной луне, все в чешуе и наростах, как аллигатор из Длинных соляных болот. А на ферму Тимберсмита пришло в новолуние. Тут раз на раз не приходится, как бы мне ни хотелось сказать иначе. Но больше всего я хочу поскорее закончить со всем этим делом, пока нам опять не пришлось собирать по кустам еще чьи-то кишки и снимать детские головы со стоек забора. Вас прислали сюда нам на помощь, и я очень надеюсь, что вы сумеете нам помочь... хотя у меня есть сомнения.

* * *

Я спросил, есть ли в Дебарии хороший отель или пансион, и шериф хмыкнул в ответ.

– Последний пансион держала вдова Бреилли. Два года назад какой-то пьяный бродяга из пришлох попытался ее изнасиловать в ее же собственном доме. Но она была женщиной крепкой и в обиду себя не давала. Она все поняла по его глазам и припрятала под передником нож. Перерезала горло насильнику, раз – и все. Стринги Боден, который был здесь судьей, пока не решил попытать счастья совсем в другой области и не заделался конезаводчиком на Дуге, рассмотрел ее дело за пять минут. Объявил ее невиновной, поскольку то была самозащита. Но леди решила, что с нее хватит Дебарии, села в поезд и уехала в Гилеад, где живет и здравствует до сих пор, я уверен. Через пару дней после ее отъезда какой-то пьяный фигляр поджег пансион. И там все сгорело дотла. Отель стоит до сих пор. Называется «Чудный вид». Вид там вовсе не чудный, а постели кишат клопами размером с жабы глаза. Лично я бы там спать не лег, разве что в полном латном облачении Артура Эльдского.

Вот так и вышло, что первую ночь в Дебарии мы с Джейми провели в общей камере городской тюрьмы, под нарисованной мелом картой шерифа Пиви. Соленого Сэма выпустили на волю, так что вся тюрьма осталась в нашем полном распоряжении. Снаружи поднялся ветер, дувший с соляных равнин на запад. Стоны ветра под свесом крыши вновь напомнили ту исто-

рию, что мама читала мне в детстве, сказку о мальчике Тиме по прозвищу Храброе Сердце, попавшем в стыловей в Большом полесье, к северу от Нью-Ханаана. При одной только мысли о маленьком мальчике, который бродит один-одинешенек в этом огромном лесу, у меня все холодело внутри. Но мужество Тима всегда согревало мне душу. Сказки, услышанные нами в детстве, запоминаются на всю жизнь.

После того как особенно сильный порыв ветра (в Дебарии ветер был теплым, а не холодным, как стыловей) ударил в стену и бросил пригоршню соляной пыли сквозь забранное решеткой окно, Джейми заговорил. Лишь в редких случаях он начинал разговор первым.

– Ненавижу этот вой ветра. Теперь я, наверное, всю ночь не усну.

Мне самому нравилось, как шумит ветер. Этот звук всегда напоминал о старых добрых временах и далеких краях. Хотя, надо признаться, я бы как-нибудь обошелся без соляной пыли.

– И как нам искать эту тварь, Джейми? Надеюсь, у тебя есть какие-то мысли. Потому что у меня их нет.

– Надо поговорить с солянщиками. Для начала. Может, кто-нибудь видел парня, который тайком, весь в крови, возвращался в поселок. Голым. Ведь он же не мог возвращаться одетым, если, конечно, он не раздевается заранее.

Это дало мне надежду. Если тот, кого мы искали, знал о своих превращениях, он действительно мог раздеваться заранее, когда чувствовал приближение приступа, прятать одежду, а потом забирать. Однако если он сам не знал...

Это была тонкая ниточка, слабая, но иногда получается распустить все вязание, потянув и за слабую ниточку – если быть осторожным и постараться ее не порвать.

– Спокойной ночи, Роланд.

– Спокойной ночи, Джейми.

Я закрыл глаза и стал думать о маме. В тот год я часто ее вспоминал, но именно в эту ночь она вспомнилась мне не мертвой, а живой и красивой – какой была в моем детстве, когда сидела у моей постели в комнате с разноцветными витражными окнами и читала мне сказку на ночь.

– Смотри, Роланд, – говорила она. – Ушастики-путаники сидят в ряд и принохиваются. Они знают, правда?

– Да, – отвечал я. – Ушастики знают.

– А что они знают? – спрашивала женщина, которую мне суждено было убить. – Что они знают, солнышко?

– Они знают, что приближается стыловей, – отвечал я. К тому времени у меня уже начинали слипаться глаза, и через пару минут я засыпал под мелодичный мамин голос.

Как заснул и в ту ночь под завывание бури.

Я проснулся с первыми лучами рассвета. Меня разбудил резкий звук: *ДР-Р-Р! ДР-Р-Р! ДР-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!*

Джейми лежал на спине и храпел. Я взял один из своих револьверов, вышел из камеры и побрел в направлении, откуда шел этот настойчивый звук. Это звонил телефон, которым так гордился шериф Пиви. Самого Пиви в конторе не было; он ушел спать домой. В такой ранний час кабинет пустовал.

Голый по пояс, с револьвером в руке, без сапог и без джинсов, в одном исподнем – в камере было жарко, и мы спали раздетыми, – я снял со стены слуховой рожок, приложил его к уху и наклонился поближе к переговорной трубке.

– Да? Алло?

– *Что за черт? Это кто?* – завопил голос в трубке так громко, что у меня заболело ухо. В него как будто вонзился гвоздь. У нас в Гилеаде были телефоны, из них около сотни

еще работало, но ни один из наших аппаратов не передавал звуки так четко. Я поморщился и отодвинул рожок подальше. Однако мне все равно было слышно, что там говорили.

– Алло! Алло! Вот же проклятая штука! АЛЛО!

– Я вас слышу, – сказал я в трубку. – Не надо так громко, ради вашего отца.

– Это кто? – Голос стал чуть потише. Не намного, но все же. Теперь я смог поднести слуховой рожок чуть ближе к уху. Но не *к самому уху*. Мне хватило и одного раза.

– Помощник шерифа.

Мы с Джейми Декарри вовсе не претендовали на это звание, но самый простой ответ – он, как правило, и самый лучший. И *всегда* самый лучший, когда говоришь по телефону с паникующим человеком.

– А где шериф Пиви?

– Дома с женой. Сейчас пять утра, если не ошибаюсь. А то и пяти еще нет. Вы лучше скажите, кто вы такой, откуда звоните и что случилось.

– Это Канфилд, от Джефферсона. Я...

– От *какого* Джефферсона?

Я услышал шаги за спиной и обернулся, приподняв револьвер. Но это был Джейми, весь растрепанный после сна, с торчащими во все стороны хохолками. Он тоже держал в руке револьвер. И надел джинсы, хотя был босиком.

– С ранчо Джефферсона, придурок! Буди шерифа, и пусть он немедленно едет сюда. Здесь все мертвы. Джефферсон, его семья, повар, работники – все до единого. Повсюду кровь, море крови.

– Сколько их? – спросил я.

– Может, пятнадцать. А может, и двадцать. Откуда мне знать? – Канфилд с ранчо Джефферсона разрыдался. – Они все разорваны на куски. Тот, кто здесь побывал, почему-то не тронул собак. Двух собак, Розы и Мози. Пришлось их пристрелить. Они кровь лакали. И ели мозги.

Ранчо располагалось в десяти колесах от Дебарии, прямо на север от городка, в направлении Соляных гор. Мы выехали туда вместе с шерифом Пиви, Келлином Фраем – самым толковым помощником – и его сыном Виккой. Машинист, которого, как выяснилось, звали Тревис, тоже поехал с нами. Он ночевал в доме Фраев, и они позвали его с собой. Мы гнали лошадей во весь опор, но добрались до ранчо Джефферсона, только когда уже окончательно рассвело. Хорошо, что хоть ветер – заметно усилившийся к утру – дул нам в спину.

Пиви называл Канфилда «перекати-поле», что означало, что тот был бродячим ковбоем, нанимавшимся на работу на разных ранчо и нигде не задерживавшимся надолго. Некоторые из этих бродяг могли оказаться преступниками в бегах, но большинство были нормальными честными людьми – просто из тех парней, кому не сидится на месте. Когда мы въехали в широкие ворота с надписью «ДЖЕФФЕРСОН» белыми буквами, нас встретил сам Канфилд и еще двое ковбоев, его приятелей. Они сбились в тесную кучку у изгороди, окружавшей загон для скота рядом с хозяйским домом. В полумиле к северу, на вершине небольшого холма, стоял спальный барак для работников. С такого расстояния в глаза бросались лишь две детали, нарушавшие нормальный порядок вещей: дверь на южном конце барака была распахнута настежь и раскачивалась на ветру. А в грязи перед домом лежали тела двух больших черных собак.

Мы спешили, и шериф Пиви пошел побеседовать с ковбоями, которые явно были рады нашему появлению.

– Ну здравствуй, Билл Канфилд. Вижу тебя очень хорошо, бродяга.

Самый высокий из трех ковбоев снял шляпу и прижал ее к груди обеими руками.

– Я не бродяга, уже не бродяга. Хотя, может, и да. Я не знаю. Какое-то время я был Канфилдом с ранчо Джефферсона, как я и сказал тому парню, который ответил на эту проклятую говорилку. Потому что еще в прошлом месяце я официально нанялся здесь на работу. Сам

Джефферсон отмечал мне рабочие дни, а теперь его нет. Растерзали старика на куски, как и всех остальных.

Он тяжело сглотнул. Его кадык судорожно дернулся вверх-вниз.

Щетина на его щеках казалась особенно черной, потому что кожа была очень бледной. Спереди на рубашке красовались потеки засохшей слюны.

– Его жена с дочерьми тоже ушли в пустошь в конце тропы. Мы их распознали по длинным волосам и по их... их... о, человек-Иисус, когда видишь такое, жалеешь, что не родился слепым. – Он закрыл лицо шляпой и разрыдался.

– А это кто, шериф? Стрелки? – спросил один из приятелей Канфилда. – А что, теперь молодняку доверяют железо?

– Не твоего ума дело, – ответил Пиви. – Давайте рассказывайте, что вы видели.

Канфилд опустил шляпу. Глаза у него были красными, по щекам текли слезы.

– Мы втроем были на луговинах, искали отбившихся от табуна лошадей. Заночевали в полях. Посреди ночи слышали крики с востока. Спали мы как убитые... так умаялись за день... но крики нас разбудили. Потом были выстрелы, два или три. А когда выстрелы стихли, снова раздались крики. И еще жуткий рев. Кто-то ревел и рычал, кто-то очень *большой*.

– На медведя похоже, – вставил один из ковбоев.

– Нет, не похоже, – отозвался другой. – Совсем не похоже.

– Как бы там ни было, – продолжил Канфилд, – шум доносился от ранчо. Мы-то были далеко. В четырех, может, даже шести колесах. Но звуки по луговинам разносятся далеко. Мы тут же вскочили в седла и поспешили сюда. Только я первым приехал. Раньше, чем эти двое. Потому что уже подписался работать на ранчо, а они просто нанялись на пару дней.

– Не понимаю, – сказал я.

Канфилд повернулся ко мне.

– У меня был конь с ранчо, хороший конь. А у Снипа и Арна – всего лишь мулы. Мы их пока сюда определили, ко всем остальным. – Он указал на загон для скота. Тут как раз налетел порыв ветра, поднял с земли соляную пыль, и животные резко сорвались с места и бросились в глубь загона.

– Они до сих пор напуганы, – заметил Келлин Фрай.

– И не только они, – сказал машинист Тревис, глядя на спальный барак на вершине холма.

К тому времени, когда Канфилд – уже не бродяга, а официально нанятый работник на ранчо Джефферсона – добрался до спального барака, крики стихли. Стих и рев непонятного зверя. Зато очень громко рычали собаки, дравшиеся за окровавленные останки. Хорошо понимая, чья рука его кормит, Канфилд не стал задерживаться у барака и поскакал прямо к хозяйскому дому. Дверь стояла распахнутой настежь, в прихожей и в кухне горели масляные лампы, но никто не ответил на зов Канфилда, когда тот зашел внутрь.

Жену Джефферсона он обнаружил на кухне. Тело лежало под столом, а наполовину обглоданная голова – у двери в кладовку. Там были следы. Они уходили наружу через заднюю дверь, хлопавшую на ветру. Следы были и человеческие, и медвежьи – кровавые отпечатки лап чудовищно огромного зверя.

– Я снял со стены лампу и вышел во двор по следам. Обе девочки там и лежали, во дворе, между домом и амбаром. Они пытались бежать, и одна обогнала другую на два десятка шагов, только мертвы были обе. Ночные рубашки разодраны, спины расплосованы до костей, словно их драли когтями. – Канфилд медленно покачал головой, не сводя глаз с лица шерифа Пиви. В глазах ковбоя стояли слезы. – Не хотелось бы мне увидеть те когти. Никогда в жизни. Я видел, что после них остается, и этого хватит с лихвой.

– А что в бараке? – спросил шериф Пиви.

– Я туда тоже зашел. Вы все сами увидите, что там внутри. И женщин тоже... я ничего не трогал. Только я больше туда не пойду. Может, Снип или Арн...

– Только не я, – сказал Снип.

– И не я, – сказал Арн. – Мне и так теперь будут сниться кошмары.

– Думаю, обойдемся без провожатых, – сказал шериф Пиви. – Мы пойдем, а вы оставайтесь здесь.

Он направился к дому Джефферсона, оба Фрая и машинист Тревис – следом за ним. Джейми положил руку на плечо шерифа, и когда тот обернулся, сказал почти извиняющимся тоном:

– Повнимательнее к следам. Это важно.

Пиви кивнул:

– Да. Мы будем очень внимательны. Особенно к тем, что ведут в ту сторону, куда ушла эта тварь.

С женщинами все было именно так, как и сказал сэй Канфилд. Зрелище кровавой бойни для меня было уже не в новинку – я видел достаточно крови и в Меджисе, и в Гилеаде, – но *такого* мне видеть не приходилось. Ни мне, ни Джейми. Он весь побледнел, и я мог только надеяться, что он не опозорит лицо своего отца, хлопнувшись в обморок. Но беспокоился я напрасно; вскоре Джейми уже стоял на коленях посреди кухни и внимательно изучал кровавые отпечатки огромных звериных лап.

– Это и вправду медвежьи следы, – сказал он. – Только очень большие, Роланд. Таких огромных медведей вообще не бывает. Даже в Бескрайнем лесу.

– Однако вчера здесь такой побывал, – заметил Тревис. Он взглянул на тело жены Джефферсона и передернул плечами, хотя тело было накрыто одеялом, которое взяли из спальни на втором этаже. – Скорее бы вернуться обратно в Гилеад, где подобные твари существуют лишь в древних легендах.

– Что-нибудь можно понять по следам? – спросил я у Джейми. – Хоть что-нибудь?

– Да. Сначала он пошел в барак, где было больше... больше еды. Крики и шум разбудили всех четверых в доме... их только четверо было, шериф?

– Да, – подтвердил Пиви. – У Джефферсона есть еще двое сыновей, но, насколько я знаю, они сейчас в Гилеаде, на аукционе. Вернутся парни домой, а тут такая беда!

– Фермер оставил жену с дочерьми в доме, а сам побежал к барaku. Выстрелы, которые слышали Канфилд и остальные... Видимо, это он и стрелял, Джефферсон.

– Очень это ему помогло, – сказал Вика Фрай. Отец отвесил ему подзатыльник и велел заткнуться.

– Потом зверь пришел сюда, в дом, – продолжал Джейми. – Думаю, леди-сэй Джефферсон с дочерьми к тому времени были на кухне. И наверное, сэй приказала девочкам бежать.

– Да, – кивнул Пиви. – И попыталась задержать эту тварь, чтобы дать дочкам время спастись. Да, похоже, что все так и было. Но ничего у нее не вышло. Если бы они не спрятались в кухне, если бы выглянули в окно в передней части дома... они бы увидели издали, какая она огромная, эта тварь... и тогда, может быть, и успели бы спастись. – Шериф тяжело вздохнул. – Ладно, ребята, пойдемте в барак. Сколько бы мы ни тянули, а лучше там все равно не станет.

– Я, пожалуй, останусь с ковбоями, у загона, – сказал Тревис. – Мне и так хватит.

– Пап, а можно, я тоже останусь? – спросил Вика Фрай у отца.

Келлин взглянул на испуганное лицо сына и сказал: «Можно». И прежде чем отпустить парнишку во двор, поцеловал его в щеку.

За десять шагов до барака голая земля запеклась кровавой коркой, на которой явственно были видны следы от сапог и отпечатки когтистых звериных лап. В зарослях сорняков непо-

далеку от входа валялся старый четырехзарядный пистолет с погнутыми стволами. Джейми молча указал на сплетение следов, на пистолет, на дверь барака. Затем приподнял брови, задавая безмолвный вопрос, вижу я или нет? Я видел все очень хорошо.

– Здесь Джефферсон встретил этого зверя, шкуроверта в медвежьем обличье, – сказал я. – Фермер успел сделать несколько выстрелов, потом бросил пистолет...

– Нет, – перебил меня Джейми. – Зверь его вырвал. Поэтому ствол и свернут. Возможно, Джефферсон пытался бежать. А может, стоял до последнего. В любом случае у него не было шансов. Его следы обрываются здесь. Значит, зверь подхватил его и зашвырнул в барак через дверь. А потом направился к дому на ранчо.

– То есть мы выяснили, откуда он пришел, – сказал Пиви.

Джейми кивнул.

– Ничего, скоро выясним и куда он ушел.

Зверь превратил спальный барак в кровавую бойню. В конечном итоге счет мясника составил восемнадцать душ: шестнадцать работников, повар (расставшийся с жизнью рядом со своей печью; окровавленный передник закрывал его лицо, как саван) и сам Джефферсон – буквально разодранный в клочья, без рук и ног. Его оторванная голова таращилась в потолок с жуткой усмешкой, от которой остались лишь верхние зубы. Нижнюю челюсть шкуроверт вырвал с мясом. Келлин Фрай нашел ее под кроватью. Один из работников пытался закрыться седлом, используя его как щит, но ему это не помогло. Зверь разорвал седло пополам. Передняя лука так и осталась в руке у несчастного ковбоя, а вот лица у него уже не было. Лицо сожрал оборотень.

– Роланд, – проговорил Джейми сдавленным голосом, как будто его горло сжалось до толщины соломинки. – Нам надо его найти. Его *надо* найти.

– Пойдем изучим следы, пока ветер не занес их пылью, – ответил я.

Мы оставили Пиви и всех остальных у барака, обогнули хозяйский дом и вышли на задний двор, где лежали тела двух девочек, тоже накрытые одеялами. Следы, уводящие со двора, уже начали смазываться по внешнему краю и вокруг отпечатков когтей, но не заметить их было нельзя – их увидел бы всякий, даже тот, кому не посчастливилось иметь в наставниках Корту из Гилеада. Существо, которому принадлежали эти следы, должно было весить как минимум восемьсот фунтов.

– Смотри. – Джейми встал на колени рядом с одним из следов. – Видишь, спереди они глубже? Он бежал.

– Причем на задних ногах, – сказал я. – Как человек.

Следы вели мимо разрушенной водокачки (похоже, чудовище своротило ее на ходу из чистой злобы) и поднимались на холм по узкой дорожке, уводившей на север, в сторону какого-то длинного неокрашенного строения: то ли кузницы, то ли мастерской. Еще дальше к северу, на расстоянии примерно в двадцать колес, лежали бесплодные каменистые земли, примыкающие к Соляным горам. Дыры на склонах, ведущие к соляным копям, были похожи на пустые глазницы.

Я сказал:

– В общем, можно и не ходить дальше. И так понятно, куда ведут эти следы. К жилищам соляничников.

– погоди. – Джейми остановился. – Смотри сюда, Роланд. Такого ты в жизни не видел.

Следы стали меняться. Отпечатки когтистых лап постепенно превращались в отпечатки огромных неподкованных копыт.

– Он утратил медвежий облик, – сказал я, – и обратился... в кого? В быка?

– Да, наверное, – отозвался Джейми. – Давай пройдем чуть подальше. У меня есть одна мысль.

Когда мы приблизились к длинному сараю, отпечатки копыт превратились в следы огромной кошки. Поначалу кошачьи следы были очень большими, но вскоре начали уменьшаться, как будто зверь менял свой размер прямо на бегу: вот он был как лев, а вот уже – пума. В том месте, где следы сворачивали с дорожки на земляную тропинку, ведущую к мастерской, мы обнаружили участок смятой травы. На поломанных стеблях запеклась кровь.

– Он упал, – предположил Джейми. – Думаю, он упал... и катался по земле. – Он задумчиво осмотрел пяточек примятых сорняков. – Похоже, ему было больно.

– Хорошо, – сказал я. – А посмотри-ка сюда. – Я указал на тропинку в отчетливых отпечатках копыт множества лошадей. Но там были и другие следы.

Следы босых ног, ведущие к входу в здание, к открытой раздвижной двери на ржавых металлических полозьях.

Джейми повернулся ко мне с широко распахнутыми глазами. Я приложил палец к губам и достал револьвер. Джейми тоже вытащил револьвер, и мы двинулись к сараю. Я махнул Джейми, чтобы тот обогнул здание и зашел сзади. Он кивнул и свернул влево.

Держа револьвер наготове, я встал сбоку от открытой двери, чтобы дать Джейми время обойти здание. Внутри было тихо. Выждав минуту и рассудив, что Джейми уже должен быть на месте, я наклонился, свободной рукой подобрал с земли увесистый камень и закинул его внутрь. Он упал с глухим стуком и покатился по дощатому полу. Никаких других звуков слышно не было. Низко пригнувшись, я вошел.

На первый взгляд в помещении было пусто. Но я бы не стал утверждать наверняка: слишком много там было темных углов. Внутри уже было жарко, а ближе к полудню здесь станет вообще как в духовке. Я разглядел в полумраке пустые стойла – по два с обеих сторон, – небольшую кузнечную печь, ящики с ржавыми подковами и гвоздями, пыльные горшки с лечебными мазями и бальзамами, тавра для клеймения в большой жестяной банке и огромную кучу старой упряжи, приготовленной то ли для починки, то ли на выброс. На крючках, вбитых в стену над верстаком, висели разнообразные инструменты. Очень приличный набор. Но большинство из них были такими же ржавыми, как подковы и гвозди в ящиках. Еще я заметил несколько деревянных плугов и основание насоса над цементным корытом. Воду в корыте давно не меняли. Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел на поверхности воды стебельки соломы. Как я понял, это была не просто конюшня с кузницей и складом упряжи, но и помещение для клеймения и осмотра животных, и что-то вроде ветеринарной лечебницы. Видимо, лошадей заводили внутрь с одной стороны, делали с ними что нужно и выводили наружу с другой стороны. Но теперь это место было заброшенным и явно нуждалось в ремонте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.